

ЖИВОПИСНАЯ РОССІЯ.

ОТЕЧЕСТВО НАШЕ

ВЪ ЕГО

ЗЕМЕЛЬНОМЪ, ИСТОРИЧЕСКОМЪ, ПЛЕМЕННОМЪ, ЭКОНОМИЧЕСКОМЪ И БЫТОВОМЪ ЗНАЧЕНИИ.

ПОДЪ ОБЩЕЙ РЕДАКЦІЕЙ

П. П. СЕМЕНОВА,

ВИЦЕ-ПРЕДСѢДАТЕЛЯ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

СѢВЕРНАЯ РОССІЯ.

ОЗЕРНАЯ ИЛИ ДРЕВНЕ-НОВГОРОДСКАЯ ОБЛАСТЬ. (Продолженіе).

СЪ 238 РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ И 29 ОТДѢЛЬНЫМИ КАРТИНАМИ, РѢЗАННЫМИ НА ДЕРЕВѢ.

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,

Гостиный дворъ, №№ 17 и 18.

МОСКВА,

Кузнецкій мостъ, д. Третьякова.

1881.

ОЧЕРКЪ IX.

НЕСТОРОВА ВЕСЬ И КАРЕЛЬСКІЯ ДѢТИ.

Инородцы Озерной области. — Миграція финскихъ народовъ. — Природа мѣстности. — Чудь, Карела и Сявакоты. — Откуда пошла Чудь. — Другія названія Чуди. — Везь. — Гдѣ и сколько живетъ Чудь. — Антропологическіе признаки. — Жилище. — Пища. — Языкъ и то кульгурное состояніе, въ которомъ находилась Везь при встрѣчѣ съ Русскими. — Вымираетъ ли Чудь. — Мисологическіе остатки. — Повѣрья. — Рожденіе. — Свадьба. — Похороны. — Обычай. — Карела. — Разселеніе и число душъ. — Внѣшніе антропологическіе признаки. — Жилище. — Пища.

Рыбачій домъ въ Олонецкой губерніи.

*Въ полномъ довольствѣ и счастѣи когда-то
Жили туземцы въ Карельской землѣ,
Рабства не вѣдали, жили богато,
Правили землею ихъ старыи Тулѣ.
Но человекъ волосатый явился,
Загнавъ въ пещеру сѣдаго Тулѣ. —
Сгинулъ старикъ, а пришелецъ водворился
Полнилъ владыкой въ Карельской землѣ.
Но не погибъ Карелякъ и въ неволѣ;
Въ дружбу сумѣлъ онъ съ пришельцемъ вступить,
Живо слекнулъ онъ, какъ быть въ новой долѣ —
Шкуру сумѣлъ на овчину слѣпить.*

изъ карельскаго преданія.

овно будто одинъ народъ живетъ и въ Финляндіи, и въ Балтійскихъ губерніяхъ, и въ нашей Озерной области, а какъ поразглядишь его попристальнѣе, какъ присмотришься и въ томъ и въ другомъ мѣстѣ къ обычаю народному, такъ и увидишь, что родъ-то тотъ, да порода другая. По даннымъ языка, а также и по находкамъ, сдѣланнымъ въ разное время въ курганахъ чудскихъ и могильникахъ, видно, что было время, когда всѣ нынѣшніе Финны жили гдѣ-то у подошвы Алтая, въ сосѣдствѣ и братствѣ съ тюрко-алтайскими племенами, съ которыми и до сихъ поръ еще представляютъ они много общаго въ анатомическомъ строѣ своемъ. Чего они между собою не подѣлили — того никто узнать доподлинно не можетъ, а только слѣдуетъ полагать, что не подѣлили они угодій, и первая ссора братьевъ

евъ произошла изъ-за простора да изъ-за хлѣба насущнаго. Не сразу, конечно, двинулись въ далекій путь уралоалтайскіе народы, извѣстные болѣе подъ именемъ Финновъ, и побуждаемые

Тюрко-алтайцами и будучи послабѣ ихъ, только отделились на время отъ стародавнихъ своихъ сельбищъ: прошли года, и новый напоръ сильнѣйшихъ сосѣдей снова продвинулъ Финновъ далѣе на сѣверозападъ, а тамъ, захвативши горя и безкормицы, перевалили они наконецъ и черезъ «Киви-панда», а по нашему Уральскій хребетъ, что показался имъ запросто «Камнемъ-горою». Пошли отсюда Финны не скоро, а прежде пожгли по обоимъ склонамъ «Киви-панда» и разошлись разнo повидимому уже тогда, когда за голодовкою невтерпѣжъ стало имъ жить вмѣстѣ. Одна вѣтвь не захотѣла искать невѣрнаго счастія на новыхъ мѣстахъ и осталась почти у самаго перевала, а другая двинулась далѣе искать приволья и безбѣднаго житія. Тѣ, что пошли далѣе на западъ, въ свою очередь, не ужились вмѣстѣ и снова раздѣлились на нѣсколько отраслей: одни снова остались на мѣстѣ и удовольствовались страной между Свирью, Бѣло-озеромъ, Везегонскомъ (Вези-іаги, или водная рѣка) и Волховомъ, а другіе пошли на сѣверъ и затѣмъ на сѣверозападъ, чтобы положить начало финскому населенію Ботническаго и Финскаго побережій, вплоть до Ладожскаго озера на востокъ и до лопскихъ поселеній на сѣверѣ; но и эти, покинувшіе свои сельбища въ Заволочѣ, на великихъ сѣверныхъ волокахъ между Печорою, Двиною и Онегою, Финны не цѣликомъ ушли въ нынѣшнія мѣста жительства и притомъ отнюдь не за одинъ походъ совершили свое переселеніе, такъ какъ въ Петрозаводскомъ, Олонецкомъ и Повѣнецкомъ уѣздахъ Прионежскаго края они оставили снова часть своихъ однородцевъ, которые и понынѣ живутъ здѣсь подъ именемъ Кареловъ или «дѣтей Карельскихъ» нашихъ лѣтописей: нѣкоторая часть общей массы двинулась черезъ Волховъ, перешла въ систему Невы и отчасти Финскаго залива и подъ именемъ «Води» и «Савакотовъ» стала извѣстна Русскимъ; тутъ къ сельбищамъ Води подошли черезъ нѣсколько времени съ сѣвера сельбища финляндскихъ Финновъ, обогнувшихъ Ладогу, и такимъ образомъ снова пришли во взаимное соприкосновеніе двѣ группы, когда-то отдѣлившіяся другъ отъ друга ради исканія лучшихъ мѣстъ. Въ то же самое, время какъ одна финская волна двигалась на западъ, другая пошла къ Волгѣ и еще южнѣе и породила Финновъ приволжскихъ, прикамскихъ и присурскихъ.

Хоть и неприглядна страна, которую изстари повелось называть Иерви-маа или страной озеръ, хоть и нѣтъ въ ней роскошныхъ пастбищъ и пахатей, пригодныхъ для того человека, который уже поотсталъ отъ первичной заботы о сегодняшнемъ днѣ и задумался о томъ, что будетъ онъ ѣсть завтра и далѣе; но для того, кто еще не додумался до возможности жить благодаря разведенію прирученныхъ животныхъ и посѣву такихъ злаковъ, которые могутъ служить въ пищу человеку, для того, кто искалъ промысловаго, и лѣснаго, и рыбнаго простора, какъ по лѣсамъ, такъ и по рѣкамъ и озерамъ, — для такого дикаря и воды и дебри были желаннымъ мѣстомъ, и издавна стремился туда потокъ народный, когда-то двинувшійся въ Европу изъ Азіи. Обширные лѣса давали и звѣря всякаго, и дичи вдоволь; раскинувшись на цѣлыя тысячи верстъ привольныя озера, а изъ нихъ широкими лентами потекли рѣки отъ озера до озера, вплоть до самаго синяго моря: чуть ли не тысячи верстъ можно проѣхать по этой странѣ въ лодкѣ, благодаря тѣмъ протокамъ, которые словно нарочно устроены на этомъ безлюдѣ и бездорожѣ большими дорогами для промысловаго озернаго человека, который охотится за 5 дней пути отъ дома, рыбу ловить верстъ за восемьдесятъ отъ своей хаты, а сѣно косить привыкъ по крайней мѣрѣ дня за три отъ деревни.

Искони вѣковъ облюбилъ Финнъ воду и усѣлся своими жилищами по воднымъ мѣстамъ, а Карела, и при томъ въ особенности олонецкая, такъ и вовсе водяной народъ. Послѣ долгихъ странствованій, послѣ долгаго исканія удобныхъ для поселенія мѣстъ, изъ всѣхъ Финновъ, какъ выше мы уже видѣли, въ Озерной области осѣли Веси, Карела и Савакоты, а потому ихъ-то описаніемъ мы и займемся въ этомъ очеркѣ и притомъ начнемъ съ Веси, которая для Финновъ княжества играетъ такую же роль, какую Болгары играютъ для насъ Русскихъ. Веси — древнѣйшій финскій народъ и въ языкѣ ея черпаютъ, какъ въ сокровищницѣ гельсингфорскіе лингвисты свою премудрость и архаизмы своего языка. Люди, спеціально знакомые съ языкомъ

Весянь, этого уцѣлѣвшаго обломка древности, прямо и безповоротно относятъ ихъ къ той группѣ Урало-алтайцевъ, которую принято называть въ наукѣ западнофинскою и которая по отношенію къ Финнамъ Финляндія представляется какъ бы самымъ старшимъ ихъ братомъ; не недавно, и чуть ли не съ самой той норы, какъ зачалась русская исторія въ смыслѣ государственности, а не одной лишь общественности, познакомился русскій человѣкъ съ этими своими сосѣдями и сталъ исподволь селиться среди ихъ, благо народъ былъ мирный и только отступалъ передъ наплывомъ русскихъ, новгородскихъ переселенцевъ, въ исканіи приволья и простора прибывавшихъ въ ихъ страну. Встрѣтился онъ съ ними на рѣкѣ, на озерѣ, среди дремучаго лѣса, но при встрѣчѣ не обидѣлъ — вѣдь де-туть у насъ простору много, проживемъ мы сосѣдями; задумался русскій человѣкъ надъ тѣмъ, что встрѣчные люди далеко не тѣ, что привыкъ онъ видѣть среди русскаго люда, и понялъ, что люди эти и чужаки ему, да и чудные какіе: и личина-то иная, и не казисты на видѣ, и роста того не дали, и волосами будто потемнѣе вышли, и глазами выблѣднѣли, и раскосило ихъ, и скулы повыдались. Къ представленію о чудноватости и чужести невольно присоединилось и понятіе о чудовищности этихъ странныхъ, небольшихъ людей, живущихъ въ лѣсахъ и болотахъ, навѣрное знающихся съ лѣшнымъ и съ водянымъ. Видимое дѣло, что, имѣя подъ рукою такія опредѣленія для встрѣчнаго человѣка, какъ чужакъ, чудной и чудовище, нечего было русскому поселнику задумываться долго надъ общимъ именемъ для всего чужероднаго народа, а потому и назвалъ онъ его «Чудью», что на всѣ три примѣты годится: зашло словечко въ Новгородъ Великій, а оттуда съ базара попало и въ свитки тѣхъ почтенныхъ старцевъ, что записывали въ наученіе молодымъ поколѣніямъ и дѣло, и бездѣлье, и фактъ, и примѣту, и про войну, и про дождь кровавый въ свои свитки, изъ которыхъ затѣмъ пошла исторія. Стали Новгородцы ѣздить для торгу въ разныя мѣста, заѣзжали и на югъ, гдѣ встрѣчались и съ греческими торговцами, которые на слово охотливы, а на наживу и того еще больше; умный Грекъ, что ѣздилъ по свѣту для собственной и чужой науки, изловилъ налету мудрое словечко, записалъ въ свои таблетки и, перевравъ его, 'выдалъ въ формѣ «Скуфи», такъ какъ буквы *ч* не могъ найти въ своихъ литерахъ, да и зналъ, что рабы, которые въ его отечествѣ изъ тѣхъ же мѣстъ попадались, вѣчно вмѣсто *скафо* говорили *чахво*; ту же рабыню привычку замѣтилъ и сородичъ того Грека, пересмѣшникъ Аристофанъ. Коль народъ — Скуфь, такъ и земля его — Скуфь (Скифія), такъ какъ иначе не могъ Грекъ и назвать страну, благо у него на дому, гдѣ поселились Віотійцы — тамъ и Віотія, гдѣ Ахеяне — тамъ Ахаія. Подхватили мудреное словечко у ученаго Грека, и пошла его Скуфь по свѣту, задавая собою постоянный вопросъ тѣмъ, которые хотѣли понять истинное значеніе этого слова. А между тѣмъ и самъ обозванный такимъ прозвищемъ народъ, да и ближайшіе сосѣди его и не думали покидать разъ уже вошедшихъ въ обычай названій; послѣдніе такъ и дальше пошли и стали излюбленное ими прозвище варьировать на всякій ладъ, и пошли по всей Руси: и Чудь, и Чудки, и Чухари, и Чухонцы, и за просто Чушки, благо прозвище послѣднее давало возможность сосчитать насчетъ чужеродцевъ. Узналъ потомъ народъ русскій и другія отдѣльныя пародныя прозвища того, что огуломъ называлъ онъ Чудью, провѣдалъ опять же Богъ вѣсть откуда особыя прозвища для Мокши, Суоми, Коми, Егры, обозвалъ ихъ Мордвою, Чухнами, Зырянами и Остяками и только за небольшимъ клочкомъ обширнаго финскаго народа оставилъ стародавнее прозвище Чуди, видоизмѣняя его иногда въ Чухарей. Однако лѣтописецъ прослышалъ и другое прозвище для этой народности и записалъ во многихъ мѣстахъ ее подъ именемъ «Веси», какъ и донинѣ зовутъ ее сородичи сѣверные. Самъ народъ этотъ однако врядъ ли когда зналъ, какъ называютъ его сосѣди финскіе и русскіе, и соблюлъ въ неприкосновенности свое настоящее и исконное прозвище, хотя и многое успѣлъ перенять у Русскихъ, живя такъ долго заодно съ сосѣдями. Звалъ онъ себя какъ-то странно, такъ что и самъ теперь едва объяснить можетъ, и только подбирая остатки своего древняго языка и по наведенію можетъ онъ иногда навести спрашивающаго на настоящее значеніе своего прозвища; онъ себя называетъ «Лудиникадъ» и сумѣетъ

отличить себя отъ сѣдней Карелы, которая такъ на него похожа и вѣншимъ обликомъ, и обычаями, и даже языкомъ.

Толкуютъ сами Чудяне свое прозвище такъ, что составилось оно изъ двухъ чудскихъ словъ, изъ которыхъ одно, а именно «лудъ» значитъ — кости, а «нигадъ» — старинный, древній, такъ какъ, говорятъ они, и теперь еще старость называемъ мы «нига», «нигадъ». Если только такое объясненіе не есть плодъ досужей фантазіи, то по истинѣ не ошиблись Чудяне, назвавши себя такъ, а не иначе, такъ какъ они представляютъ собою чуть не самую древнюю отрасль всего

Карелы и Весье.

финскаго племени и въ языкѣ ихъ сохранились самыя древнія формы нынѣшнихъ финскихъ словъ и формъ: тутъ-то, видно, и раздѣлились пришельцы на двѣ вѣтви, изъ которыхъ одна двинулась на сѣверъ къ перешейку между Ладогой и Онегой, а другая на западъ, по южному берегу Ладоги. Тогда станетъ совершенно понятнымъ, почему Карела ближе всего подходитъ къ Чуди, такъ какъ она отдѣлилась отъ послѣдней раньше всѣхъ остальныхъ народовъ финскихъ.

Какъ нынѣшнихъ петербургскихъ и новгородскихъ Финновъ звалъ лѣтописецъ подъ именемъ «Води», такъ и Чудь онъ звалъ подъ именемъ «Веси»: прослышалъ онъ это послѣднее прозвище отъ ихъ же, вѣроятно, собратьевъ, такъ какъ по-русски «Весъ» ничего не значитъ, тогда какъ по-фински имѣетъ значеніе: какъ во многихъ мѣстахъ дѣлали пришельцы, такъ вѣроятно поступили и Русскіе здѣсь: придя въ какую нибудь новую землю, они всегда старались узнать у туземцевъ, какъ называется вновь открытая ими земля, и для этого, указывая на землю, и задавали вопросъ: туземцы не понимали цѣли вопроса, да и самаго вопроса, полагали,

что спрашиваютъ ихъ, какъ по ихнему земля называется, и сказывали, что земля по ихнему называется такъ-то: такимъ образомъ окрестили Крестоносцы Лифляндію, такъ же точно происходило дѣло и во многихъ другихъ мѣстахъ, такъ же точно случилось и съ Русскими, встрѣтившимися впервые съ Чудью, съ тою лишь разницею, что пришли они въ землю послѣднихъ по искони излюбленнымъ путямъ, по водѣ въ лодьяхъ, а потому при вопросѣ и должны были указывать на воду: вода по-чудски — *вези*, а отсюда и пошла лѣтописная Весъ: даже и сѣверные одноплеменники Чуди называютъ ее Венсами, передѣлавъ слово подтатъ своему говору. Толкуютъ однако и иначе происхожденіе слова «Весъ», хотятъ его съ финскаго же языка вывести, да по своему, отъ глагола «вешпаан», что значитъ — бросать, швырять, покинуть, и утверждаютъ, что Финны покинули Весъ, оставили ее на прежнемъ мѣстѣ жительства, а сами ушли искать лучшихъ мѣстъ, удобныхъ для поселенія, на сѣверѣ и западѣ: говорятъ они, что и «лудунъ» значитъ — двигаться, шевелиться, идти.

Съ давнихъ, незапамятныхъ временъ, когда еще и слыхомъ не слыхать было о Русскихъ, широкая Свирь, а по-чудски — Сюверель или Гаубокая рѣка, служила гранью между поселеніями чудскими и карельскими, по повидимому грань эта не дѣлала розни, и народы эти жили между собою въ дружбѣ. Такъ и жили оба народа, пока корысть и поиски за одиночествомъ не двинули сюда Русскихъ: одни изъ нихъ шли въ невѣдомыя мѣста ради уединенія и спасенія души, другіе шли забирать земли и уголья ради наживы: это движеніе въ обоихъ своихъ проявленіяхъ, иноческомъ и чисто захватномъ, шло и совершалось по давно заведенному обычаю, по тому пути, котораго ни строить, ни расчищать не приходилось, а который указанъ самою природою и пролегалъ по теченію рѣкъ Свири, Ояти и Паши: рѣки эти глубоко врѣзывались внутрь страны и поневолѣ манили колонистовъ; въ особенности первая была и широка, и глу-

бока, и привольна для плаванія; понятно, что на нее прежде всего обратили вниманіе пришельцы и раньше заняли ее, основавъ лишь рѣдкія поселенія на устьяхъ рѣкъ Паши и Ояти и въ тоже время раскинувши по всей Свири цѣлую массу сельбищъ. Все это вело къ тому, что Весь поневолѣ раньше и больше была отодвинута отъ Свири, нежели отъ Паши и Ояти, а теперь успѣла обрусѣть уже и вся Паша, и только Оять да Ладва дальняя борются еще со всеокрушающимъ русскимъ вліяніемъ, хотя и оттуда съ каждымъ десятилѣтіемъ Чудь отодвигается въ смыслѣ инородности: держится еще чудская рѣчь и чудская повадка и въ глухой и дикой Бѣлозерщинѣ,

Чудское поселеніе близъ Ояти.

гдѣ, пожалуй, и до сей поры не услышишь ни одного русскаго слова. До сихъ поръ уцѣлѣли эти мѣста отъ русскаго наплыва и вліянія, благодаря тому, что сама природа будто вступилась за ихъ національность и защитила отъ гибели; непроходимыя топи, скалистыя сельги и непролазные лѣса стоятъ на стражѣ этихъ чисто чудскихъ уголковъ; зимою не проѣхать туда за бездорожьемъ отъ снѣговъ, а лѣтомъ разойдутся болотца, и рѣдкій путникъ рискнетъ проѣхать въ самое сердце Чудской земли въ придуманномъ на ту нужду мѣстномъ экипажѣ — смычкахъ, гдѣ ему ни повернуться, ни ногами пошевелить невозможно.

Какъ бы то ни было, но и теперь еще Весь занимаетъ своими сельбищами весьма значительную территорію, обнимающую собою почти весь Лодейнопольскій уѣздъ Олонецкой губерніи, значительную часть Тихвинскаго и Бѣлозерскаго уѣздовъ Новгородской губерніи и часть Вессегонскаго уѣзда Тверской губерніи; какъ ни широко однако раскинулась Весь въ территоріальномъ отношеніи, населеніе здѣсь очень рѣдко въ силу самыхъ природныхъ условій, и, занимая пространство, почти равное площади Швейцаріи, количественно Весь не сравнится даже и съ жителями республики Андорра; всего Веси, если вѣрить даннымъ, собраннымъ администраціею, до 25,000 душъ обоего пола, но на самомъ дѣлѣ, говорятъ, ее больше, — тысячъ до 35.

Достаточно взглянуть лишь на Весина, чтобы сразу примѣтить ту разницу, которою онъ отличается отъ своего сосѣда — Русскаго; окружи Весина цѣлою толпою Русскихъ, да подбери еще къ нему и Русскихъ-то такихъ, что лицомъ почти въ него вышли, такъ и то выдаетъ его раскосость, свѣтлоглазость и скуластость, которыя у Русскаго замѣтишь лишь въ весьма малой мѣрѣ. Ростомъ Чудяне не особенно выдаются изъ среды окрестнаго русскаго населенія и принадлежатъ къ числу людей средняго роста, причемъ послѣдній колеблется между 37 и 39 вершиками: видно, холодный климатъ и невзгоды не смогли вымелить Чудь, какъ мѣстами вымелъчались Русскіе, понавѣи даже и въ такія благословенныя страны, каковы Тамбовская и Воронежская губерніи; впрочемъ такой ростъ служить лишь на пользу Веси по той простой причинѣ, что ихъ рѣдко берутъ во флотъ, куда то и дѣло попадаютъ мѣстные Русскіе, которые противъ нихъ ростомъ не вышли, да заявили за то коренастѣе и уключѣе, т. е. именно такими, какіе требуются для флотской службы; нужда сдѣлала Чудянъ слабыми, а отсутствіе промысловъ — неуклюжими, недогадливыми и несмѣтливыми, и русскій человѣкъ, говоря о Веси, постоянно упоминаетъ, что очень уже всѣ они «просты». Вполнѣ худыхъ среди Чуди мало, также точно какъ и такихъ, которыхъ можно причислить къ одутловатымъ и толстымъ; по большей части, Веси по сложенію своему представляетъ счастливую середину, хотя и выказываетъ скорѣе наклонность къ худобѣ, что легко можно объяснить далеко не блестящими условіями ихъ жизни, при наплывѣ болѣе смѣтливыхъ и изворотливыхъ Русскихъ. По цвѣту кожи, пожалуй, и не отличишь Весина отъ Русскаго, такъ какъ на открытыхъ мѣстахъ цвѣтъ этотъ является окрашеннымъ во второй отъ свѣтлѣйшаго тонъ, а на закрытыхъ — такъ и вовсе представляется въ тонѣ наиболѣе свѣтломъ, котораго иной разъ не найдешь и у несомнѣннаго Русскаго. Чрезвычайно интересно однако, что Чудяне, несмотря на частыя скрепчиванія, не потеряли своей основной для кожи окраски и въ большинствѣ случаевъ даютъ свѣтлокоричневую или свѣтлобуроватую окраску, что лишь въ весьма рѣдкихъ случаяхъ можно наблюдать у Русскихъ.

Хоть и увѣряютъ про всѣхъ Финновъ вообще, что они бѣлокуры и бѣлобрысы, но это чисто съ вѣтру явившееся положеніе приходится повидимому оставить, такъ какъ всѣ послѣднія изслѣдованія клонятся къ тому, что Финны скорѣе темноволосы, въ виду того, что таковыми оказались Вогулы, Остяки, Самоѣды и Мордва. Оказывается, что и среди Чуди встрѣчается гораздо болѣе темноволосыхъ, нежели бѣлокурыхъ, точно также какъ и у Кареловъ, не говоря уже о Лопаряхъ и Мадьярахъ. Громадное большинство Чудянъ имѣетъ волосы самыхъ темныхъ тоновъ окраски, хотя у малолѣтковъ и подростковъ волосы и свѣтлы. Какъ и у всѣхъ почти остальныхъ народовъ борода, всегда окрашена на одинъ или два тона свѣтлѣе сравнительно съ волосами на головѣ, но все же и на бородѣ волосы у Чуди не могутъ быть признаны свѣтлыми; обыкновенно борода рѣдка и даже вовсе иногда отсутствуетъ, хотя бы по годамъ и должна бы уже вырасти, а растительность на тѣлѣ почти никогда не встрѣчается, что составляетъ весьма характеристичный признакъ всего уралоалтайскаго племени, представители котораго постольку лишь обладаютъ болѣе роскошною волосатостью, по скольку они болѣе смѣшивались съ Русскими и другими хорошо обросшими народами.

Русскій человѣкъ, хоть и обладаетъ значительною наблюдательностью, но, какъ мы видѣли, вдался въ ошибку по части волосъ Чудина, да не ошибся за то, говоря о его глазахъ. Видя постоянно у своихъ сородичей преимущественно темные тоны глазной окраски, понятное дѣло, русскіе насельники должны были поразиться обычною блѣдностью тоновъ глазъ финскихъ своихъ сосѣдей и сдѣлать изъ этого обстоятельства особенную народную примѣту; насмѣшливыя выраженія въ родѣ «Чуди-бѣлоглазой», примѣнимаго ко всѣмъ Финнамъ вообще, и «желтоглазаго», какъ называетъ русскій человѣкъ въ Петербургѣ чухонца-хозяина своей закладки — все это весьма вѣрныя примѣты, которыя подтверждаются и при научномъ наблюденіи. Почти никогда не встрѣтишь между Чудью человѣка съ самымъ темнымъ тономъ окраски ириса всѣхъ воз-

возможныхъ основныхъ цвѣтовъ, т. е. коричневаго, синяго, зеленаго и темносѣраго, и напротивъ того чаще всего самые блѣдныя и среднія тоны; кромѣ того въ громадномъ большинствѣ случаевъ приходится наблюдать отсутствіе темносѣраго цвѣта, который у Чуди является лишь какъ исключеніе; коричневый цвѣтъ тоже встрѣчается очень рѣдко, а напротивъ того зеленоватый цвѣтъ замѣчается чуть ли не у 50 субъектовъ изъ ста, причемъ однако нельзя считать этотъ зеленый цвѣтъ вполне характеристичнымъ для народа, а скорѣе позднѣйшее обезцвѣчиваніе голубаго цвѣта, который также чрезвычайно часто наблюдается въ глазахъ Чуди; голубые глаза — глаза юношей и молодыхъ дѣвушекъ, а состарѣются они — и цвѣтъ ихъ глазъ приметъ вѣроятно зеленоватый оттѣнокъ. Та кудреватость, которая до такой степени рѣзко характеризуетъ нашу русскую, безпримѣсную голову, только крайне рѣдко встрѣчается среди Веси, да слѣдуетъ замѣтить, что въ этихъ рѣдкихъ случаяхъ кудреватость является какъ бы въ зародышевомъ положеніи и прямѣе всего должна быть отнесена къ вліянію помѣси съ прихожимъ русскимъ промышленникомъ: въ большинствѣ случаевъ волосы Чуди совершенно мочалообразны и не представляютъ даже и на вискахъ никакихъ закручиваній, часто встрѣчаемыхъ даже и у тѣхъ народовъ, которые отнесены Фридрихомъ Мюллеромъ къ числу гладковолосыхъ. Сразу и почти безповоротно опредѣляется уже съ перваго взгляда типичная для Чудянъ форма носа: носъ у Чуди и широкъ, и курносъ, и сплюснутъ, и съ раздутыми ноздрями, и съ выступающею изъ-подъ носа мочкою; замѣчено также, что ноздри у Чудянъ не обладаютъ способностью расширяться въ иныхъ случаяхъ, когда онѣ расширяются напримѣръ у Русскихъ, т. е. въ моменты озлобленія, испуга и т. п. Губы Чудянъ наблюдались съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія, а именно со стороны относительной ихъ толщины, а также и со стороны направленія прорѣзи рта и слѣдовательно его положенія; оказывается, что Чудяне обладаютъ далеко не толстыми губами и весьма близко въ этомъ отношеніи подходят по своей толщинѣ къ губамъ Великоруссовъ, будучи въ то же время толще обычныхъ малорусскихъ губъ. По формѣ прорѣзи своей ротъ Чуди отнюдь не представляетъ собою какого либо типичнаго этническаго признака и расположенъ онъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ совершенно правильно и только изрѣдка обладаетъ нѣсколько приподнятыми внѣшними углами. Ясное дѣло, что, не употребляя въ обиходъ своемъ сладкаго, лишенный иногда, и при томъ весьма часто, возможности пить горячій чай, Чудинъ могъ бы обладать хорошими и здоровыми зубами, да и на самомъ дѣлѣ зубы его и велики и хороши; хотя и не принадлежатъ Чудяне къ Арійцамъ, однако зубы у нихъ не выдаются, рѣзцы вставлены вертикально и ничего отличнаго отъ зубовъ обыкновеннаго Великорусса не представляютъ. Лобъ у Чуди по большей части плоскій, а уклоняющійся вверхъ лобъ замѣчается лишь въ качествѣ исключенія: эта типичная для Чуди черта тѣмъ болѣе становится замѣтною, что у большинства мужчинъ и женщинъ, такъ называемая, надбровная выпуклость вполне отсутствуетъ, также точно какъ и надпереносичная впадина. Чудяне обладаютъ очень красивыми бровями, которыя отлично одарены волосами; обыкновенно онѣ образуютъ весьма рѣзко очерченную дугу и лишь крайне рѣдко вытянуты въ прямую линію, причемъ волосы на нихъ по большей части темнаго цвѣта. Къ числу наиболѣе характерныхъ и притомъ наиболѣе распространенныхъ среди Чудянъ этническихъ признаковъ слѣдуетъ несомнѣнно отнести, такъ называемую на языкѣ народномъ, «раскосость»: весьма рѣдко можно встрѣтить субъектовъ съ горизонтально расположенными прорѣзями глазъ, тогда какъ у большинства внѣшніе углы этихъ прорѣзей приподняты обыкновенно нѣсколько къверху, составляя горизонталь 25—30°. Ротъ у Чуди малъ и красиво очерченъ, подбородокъ нѣсколько остръ, и все лицо угловатоострое, что зависѣло конечно отъ сильной скуластости; уши не велики и въ особенности у женщинъ хорошо очерчены, хотя и отдѣляются нѣсколько впередъ. Въ антропологическомъ отношеніи Чудь отличается отъ своихъ соплеменниковъ большою шириною лба; затѣмъ лицевой уголъ ея, по близости котораго къ прямому когда-то судили объ умственныхъ способностяхъ племени и человека, равняется лицевому углу Финновъ изъ Финляндіи и довольно великъ; по скуластости они зани-

маютъ послѣ Остяковъ слѣдующее мѣсто, а по выдавшимся салазкамъ первое мѣсто, что придаетъ ихъ лицу чрезвычайно угловатую форму. Чудяне въ большинствѣ являются очень коротко- и круглоголовыми, занимая въ этомъ отношеніи въ ряду остальныхъ народовъ финскаго происхожденія чуть ли не первое мѣсто. Таковъ обликъ Чудина въ отличіе отъ его сосѣдей.

Вьюгами, мятелями и холодомъ обездолила повидимому природа Чудина, но вмѣстѣ съ тѣмъ дала ему въ изобиліи и средства укрыться отъ этихъ напастей, такъ, какъ не суждено отъ нихъ укрываться нашему крестьянину центральныхъ губерній: лѣсу вокругъ народилось —

Озерной видъ.

дѣвать некуда, а въ лѣсѣ-то и есть его защита. Живя въ этомъ лѣсномъ привольѣ, обстроился Чудинъ такъ, какъ и средней руки состоятельному человѣку въ иномъ мѣстѣ не обстроиться; какъ онъ прежде жилъ, того мы не знаемъ, а теперь срубилъ онъ себѣ жилье на исконный новгородскій ладъ, но все-таки не совсѣмъ, а внесъ въ постройку и кое-что свое, что сразу обличаетъ въ хозяинѣ не русскаго озернаго человѣка, а инородца; до многого въ постройкѣ и приладѣ онъ не додумался, а многое даже ему и не по вкусу пришлось, и устроился онъ, хоть на общій манеръ, а все же по-своему. Изба у него двухъ-этажная, да нижній этажъ не облюбили Чудинъ для жилья, а сталъ онъ туда складывать рухлядь всякую, кое-что по хозяйству, сѣти и прикладъ весь рыболовный, а зимою не задумался туда же свалить и полѣсовщину свою, уловъ, муку, толокно и рѣпу; тутъ же въ нижнемъ этажѣ или, какъ здѣсь выражаются, въ строѣ, помѣщается объемистый чанъ, въ которомъ непременно уже находится мѣстное питье, общеупотребительное и любимое, принятое и желанное у Русскихъ, и у инородцевъ — рѣпный квасъ, о которомъ даже легенды въ области сложены. Въ виду того, что Чудинъ ушелъ жить въ надстрой или во второй этажъ, не потребовалось ему туда

внизъ и свѣта много, а оказалось возможнымъ прорубить въ строй и мало, и малыя оконца; не въ обычаѣ въ эти оконца стекла вставлять, а по большей части заткнуты они чѣмъ попало, только бы не очень уже настудить строй, такъ какъ стыдъ оттуда проберется и въ надстрой и выживетъ оттуда жителей, хотъ къ холоду они и привычны съ малолѣтства. Есть и еще одна характерная черта въ чудскомъ домѣ, и странное дѣло, почему русскій человѣкъ отчуждался отъ одной хорошей чудской выдумки, которая пригодна была бы всякому; съ передняго фасада проложена подъ крышею чудской избы жердина, а на жердинѣ прилажена вяленина: 2—3 окорока мяса, а то, за недостаткомъ, такъ и другія какія нибудь части убойны. Чудъ ѣстъ вяленину, а Русскій какъ-то на нее не падокъ, а потому и ѣстъ хуже Чуди. Наконецъ, признать чудское жилье можно еще и по отсутствію дымовой трубы, хотя во всѣхъ русскихъ окрестныхъ избахъ не найдешь и намекъ на черную топку; у Чуди всегда продѣлана въ крышѣ особая дверца — «хайло», такъ какъ иначе отъ дыма житья бы въ избѣ во время топки не было. Къ избѣ сбоку прилажены кое-какія приступочки (ступеньки), а по нимъ взбираешься и на крылечко; крылечко это очень мало, такъ что по русскому обычаю семьѣ низачто на немъ не умѣстится лѣтомъ обѣдать, на немъ вообще не очень-то и безопасно, такъ какъ оно безъ перилъ, да и слажено некрасиво, безъ крыши, на кривыхъ сваяхъ съ необчищенною корою и куда какъ неказисто на видъ — знать, не дошелъ еще Чудинъ умомъ до сознанія красоты. Неуклюжая дверь, часто безъ щиколды, ведетъ съ крыльца въ сѣни; у двери этой найдутся косяки, у оконъ же зачастую нѣтъ оконниковъ, а рамы прямо вставляются въ надрубки въ бревнахъ, такъ какъ пользы отъ оконниковъ не созналъ еще Чудинъ и пока обходится еще безъ нихъ; сѣни хотъ и длинны бываютъ, а въ ширину захватываютъ не больше трехъ аршинъ и притомъ освѣщаются лишь тогда, когда отворяютъ входную дверь, такъ какъ надвернаго оконца Чудъ не дѣлаетъ, словно хочетъ побольше укрыться отъ свѣта. Тутъ же, впрямъ отъ двери и притомъ отъ нея весьма близко, прилаживается спускъ въ строй, но прилаживается плохо и будто на скорую руку; въ сѣняхъ четверо дверей, изъ которыхъ однѣ входныя съ крылечка. Налѣво отъ входной двери прорубается обыкновенно дверь, ведущая въ жилую горницу, и опять же съ косяками; чуть войдешь въ горницу, какъ тотчасъ же поневолѣ поразишься нѣкоторою особенностью, которая вполне ясно доказываетъ, что хозяева не русскіе люди и не переняли даже у Русскихъ ихъ манеры устанавливать въ горницѣ мебель: прямо передъ дверью, между двумя окнами, стоитъ большой семейскій столъ, которому въ русской избѣ мѣсто назначено въ красномъ углу, подъ тябломъ. Вокругъ всей горницы, начиная отъ входной двери и вплоть до печки, тянется сплошная лавка, неудобная для сна и крайне узкая, а надъ нею идетъ полица, куда прячутъ шапки, рукавицы и всякую мелкую домашнюю рухлядь; если брать отъ печнаго угла, то въ противоположномъ углу помѣщается обыкновенно тябло со старинными, большею частью, иконами, такъ какъ послѣднія больше почитаются Чудянами, хотъ и не всѣ они придерживаются старой вѣры; любитъ Чудинъ изукрашивать тябельный уголъ разными картинами духовно-нравственнаго содержанія и литографіею раки Св. Александра Свирскаго, котораго всѣ, и Русскіе, и инородцы, знаютъ въ Озерной области за своего заступника при жизни и по смерти. Въ правомъ углу помѣщается громадная глинобитная печь, облицованная иногда кирпичемъ; глинобитная работа эта выполнена съ такимъ искусствомъ, что можно дивиться, увидавъ, какъ все это плотно и прочно сдѣлано; надъ челомъ этой печи, въ нотолкѣ продѣлана дыра, закрываемая особою дверцею или заслономъ, а обокъ съ печью стоитъ уемистый чанъ, въ которомъ при нуждѣ рыбу чистятъ, а когда и руки моютъ; отъ вѣшняго выступа печи протягивается веревка, а на нее вздвигается занавѣска, отдѣляющая отъ горницы женское и дѣтское царство, гдѣ идетъ вѣчный гомонъ и куда не всякаго тоже впустятъ; все здѣсь уставлено горшками, плошками и другою посудой, а также слышится пискъ и визгъ дѣтей. Другая дверь изъ сѣней, расположенная напротивъ входной, ведетъ въ «пологу», гдѣ лѣтомъ спятъ семейскіе, а зимою хранятся припасы разные, шкурки и

тому подобные предметы. Наконецъ, четвертая дверь ведетъ «на сарай», расположенный обыкновенно во второмъ этажѣ; есть въ сараѣ полъ, сдѣланный изъ крупнаго накатника, и помѣщаются въ немъ кормъ для скотины, земледѣльческія орудія, телега, сани, дровни и смычки, коли имѣются; въ полу продѣланы двѣ или три двери, при посредствѣ которыхъ сарай сообщается съ «поскотницей» или дворомъ, помѣщаемымъ въ нижнемъ этажѣ; тутъ, въ поскотницѣ живетъ скотина, которой рѣдко много бываетъ у Чудина; какъ сказано выше, изъ поскотницы въ надстрой ведетъ обыкновенно лѣстница, безъ перилъ и сложенная кое-какъ, на-скоро. Со двора, со втораго этажа спускается на заднемъ фасадѣ избы «спускъ» или «взъѣздъ», сдѣланный опять же изъ накатника и служащій для прямаго сообщенія сарая съ землею. Вблизи отъ дома, шагахъ въ 30—40 отъ него, поставлена «ригэ», или гумно, сложенное безъ пути изъ криволѣся, очень неряшливо, съ дверью и двумя дырами для выхода дыма; такая неряшливость постройки объясняется тѣмъ, что «ригэ» горятъ очень часто, а потому и не приходится особенно стараться въ ихъ постройкѣ; величиною она очень мала, такъ какъ и хлѣба-то родится у Чудина мало, и довольно ему его маленькой ригэ на его потребу. Есть и еще подлѣ чудскаго жилья своего рода особенность, вещь хозяйственная, обусловленная тамошнею нуждою, невозможностью собирать совершенно спѣлый хлѣбъ, изъ боязни, чтобы, пока ждешь его доспѣли, не побиили все морозы: недалеко отъ деревни, а иногда и за нѣсколько верстъ отъ нея, протянулось маленькое поле, а у поля возвышается «зарода», то одному счастливцу принадлежащая, а то и цѣлой деревнѣ, благо немного на ней сушить приходится и хватить ея одной на всѣхъ однодеревенцевъ. Зарода — это двѣ тычины съ поперечными перекладинами, на которыя вѣшаются снопы для «дохода и доспѣли» на солнцѣ. Есть подлѣ избы и баня, для мытья и какъ жилье, излюбленное «кюлветь-ижанда», добраго божка, съ которымъ Чудь старается жить въ мирѣ и добромъ согласіи, а не то онъ хоть кого со свѣту стонитъ.

Куда какъ богаты рѣки, рѣчки и озера чудскія всякою рыбою, а лѣса ихъ дичью и звѣремъ всякимъ, а Чудинъ все же такъ ѣсть не такъ, какъ бы подобало ему ѣсть на такомъ раздольѣ, и не потому, что лѣнится онъ для своей ѣды походить да поохотиться, а потому лишь, что смотреть на свою ѣду, какъ на что-то неважное, и нести лучшій кусокъ либо въ городъ, либо къ скупщику. Ужъ на что не взыскательна капуста, а и той не писано на роду у Чудина въ огородѣ расти, также точно какъ и луку, такъ какъ не могутъ эти русскіе любимцы справиться съ позднимъ тепломъ да съ раннимъ холодомъ; хрѣнъ не повкусу Чудину пришелся — не ѣсть онъ его вовсе, хотя и хорошъ онъ въ этихъ мѣстахъ противъ цынготной болѣзни. За всѣ овощи эти несутъ тяжелую службу и идетъ во всякую ѣду рѣпа, которую русскій сѣверный острякъ величаетъ въ шутку своимъ «ананасомъ», — до такой степени она ему любезна: и въ уху онъ накрошитъ, и запечетъ ее, и паритъ, и варитъ, да не прочь и сырьемъ ѣсть; есть почетъ рѣпѣ и отъ Чуди, и безъ нея Чудинъ не сядетъ и за столъ; наконецъ либо онъ, либо Карелякъ первый умудрился сдѣлать изъ рѣпы квасъ или, вѣришь, ту муть, что непривычному человѣку и не выпить и что вкусомъ смахиваетъ на имбирный квасъ. Горохъ Чудяне не долюбиваютъ, а держатся крѣпко ячменя, изъ котораго дѣлаютъ очень крупную крупу и пекутъ изъ нея калитки или пирожки; такимъ же почти почетомъ пользуются и бобы, которые опять-таки ѣдятъ всячески и лущатъ даже и ѣдятъ сырьемъ въ видѣ особаго лакомства. Великимъ подспорьемъ въ пищѣ являются для невзыскательнаго Чудина разные грибы, а въ особенности волнуха и рыжикъ, которыхъ и варятъ, и жарятъ, и солятъ впрокъ. Умудрилась Чудянка изъ гриба и свое парадное блюдо придумать — «сень»: для этого волнухи прежде всего варятъ и затѣмъ поджариваютъ вмѣстѣ съ коноплянымъ сѣменемъ на сковородкѣ; коли «сень» сдѣлана съ масломъ и мукою, то она называется уже «кобе»; даже и простые блины любитъ Чудинъ ѣсть не попросту, а нарѣжетъ намелко рыжиковъ, да и наложить ихъ на блинъ. Но главнымъ и самымъ любимымъ блюдомъ Чуди, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самымъ отвратительнымъ для тѣхъ, кто не очень сильно голоденъ, слѣдуетъ признать такъ называемую «загусту»: придумала загусту голодовка,

а дѣлается она изъ мучныхъ остатковъ: пособеретъ хозяйка крылышкомъ эти остатки въ мучницѣ, всыплетъ въ воду, хорошенько взболтаетъ, и готова загуста — жидкій клейстеръ, бѣдовая ѣда. Ъсть Чудинъ въ опредѣленные сроки; нѣтъ у него того русскаго обычая, что стоитъ хлѣбъ и солоница весь день на столѣ, такъ какъ хлѣбъ здѣсь въ диковину. Часу въ девятомъ утра положено быть первой ѣдѣ, завтраку; тутъ припасено у доброй хозяйки и рѣдьки, и рѣпы, и хлѣбца ломотокъ, и малыи вареной (мелкая рыбешка) поставецъ; иная подсушитъ ее маленько на сковородкѣ и хвастается: «мы-де нынче малю жарили». Въ полдень бываетъ главная ѣда — обѣдъ, гдѣ уже безъ горячей стравы никакъ не обойдется, да приходится и побольше поѣсть, такъ какъ за ужиномъ ужъ не ѣда, а только закуска, на что и изложена русская поговорка: чего за обѣдомъ горшокъ, того за ужиномъ на доньникѣ. Обѣдъ бываетъ разный, смотря по достаткамъ хозяевъ; готовятъ и щи, только безъ капусты за ея недостаткомъ, а съ картофелемъ и крошеною, нечищеною малею; пекутъ блины съ рыбою, съ рыжиками, а то такъ и съ брусникою: подаютъ тоже и мясное, и рыбное: сига соленые, мясо провѣсное, которое виситъ у Чудина подъ крышею. Понятное дѣло, что въ праздникъ расщедрится хозяйка и на муку и испечетъ рыбникъ, причемъ съ рыбы чешуи не снимаетъ. Кто побогаче, тотъ купитъ въ городѣ въ трактирѣ чаю спитаго и ѣсть его тутъ-же за обѣдомъ. Дичь не ѣдятъ, потому въ продажу идетъ, зайчину ѣсть не водится, а медвѣжатина — та же человѣчина, такъ какъ Чудинъ убѣжденъ, что медвѣдь прежде тоже былъ человѣкомъ, да наказанъ отъ Бога за свою гордость. Что остается отъ обѣда, то подаютъ на ужинъ, за который садятся часу въ девятомъ вечера, а послѣ ужина пора и спать — не жечь же свѣчи.

Если въ нынѣшнемъ чудескомъ языкѣ пособрать все древнія слова, то можно получить весьма ясную и опредѣленную картину той степени культурности, на которой стояла Чудь въ моментъ встрѣчи своей съ Русскими и иными культурными народами, имѣвшими тогда уже исторію, и познать, во-первыхъ, съ какимъ запасомъ знаній явилась она въ Озерную область, а во-вторыхъ, что именно и у кого перенимала она и чему отъ кого научилась. Знала Чудь изъ домашнихъ животныхъ собаку, корову, быка и лошадь, но не имѣла понятія объ овцѣ и баранѣ; не имѣя подходящаго слова для обозначенія этихъ двухъ животныхъ, Чудь позаимствовалась имъ отъ чужестранцевъ, а именно познакомилась съ овцою отъ Шведовъ и назвала ее «лабасъ», не различая еще овцу отъ барана, такъ какъ съ различіемъ этимъ она познакомилась видимо черезъ Русскихъ, принявъ для барана то же слово. Врядъ ли и козу водила Чудь и познакомилась съ нею черезъ Русскихъ, тогда какъ про свинью она видимо впервые узнала отъ Шведовъ, что видно и изъ самаго названія свиньи по-чудски — «сиги»; только поросенка указалъ Чуди Русскій, а потому и называется онъ «норсайнъ». Ясное дѣло, что если были у Чудянъ коровы, то занимались они, значить, и хозяйствомъ молочнымъ, что и доказывается между прочимъ тѣмъ, что въ языкѣ ихъ существуютъ выраженія для телятка, молока, доенія, масла и даже сыра. Познакомившись съ овцою черезъ Шведовъ, конечно, не могла Чудь научиться стричь овецъ у Русскихъ, а вѣроятно и этимъ позаимствовалась у первыхъ, что видно и изъ самаго названія шерсти — «вилла», въ которомъ однако нѣкоторые лингвисты не могутъ воздержаться отъ того, чтобы не увидать русскую «воляну». Домашней птицы Чудяне видимо не держали, а потому и переняли ее названіе отчасти у Русскихъ, а отчасти у Шведовъ; такимъ-то путемъ явились у нихъ: «ципутъ» — курица, «ханхъ» — гусь; можно было бы подумать, что Чудь знала утку домашнюю, такъ какъ въ языкѣ ея имѣется для обозначенія ея свое, доморощенное слово — «сорзь», но такое исключеніе объясняется тѣмъ, что Чудь знала только дикую утку, во множествѣ населявшую болота Озерной области, и умѣла называть только именно ее.

Принужденный вести преимущественно бродячую жизнь то вслѣдствіе миграцій своихъ, а то вслѣдствіе охотничьяго свойства своего быта, Чудянинъ конечно не могъ заниматься земледѣліемъ; можно усомниться даже въ томъ, чтобы онъ дѣлалъ въ то время запасы сѣна для

скота, такъ какъ и для этого продукта они переименовали русское слово и говорятъ «хена». Конечно, они могли знать о существованіи полезныхъ злаковъ, что доказывается присутствіемъ въ ихъ языкѣ такихъ словъ, какъ «кего» — мякина, «олгъ» — солома, «юведъ» — зерно и даже «осра» — ячмень, но никогда не выражали они ихъ, такъ какъ названія хлѣбовъ, орудія обработки и принадлежности земледѣлія переняты ими отъ другихъ народовъ; такъ «пѣльдъ», «одра» (соха), «агехъ» (еде), «кагръ» (овесъ) и «олудъ» (пиво) узнали они черезъ Шведовъ, тогда какъ черезъ Русскихъ познакомились съ возможностью «касартада», съ «чебъ», «тугодъ» (яровое), «бабу» (бобъ), «ябко», «картофъ», «хюмалъ», «нижо» (пшеница, низовой хлѣбъ), «люнадъ» (конопля, смѣшанная видимо со льномъ), «сирпъ», «кашъ», «лейба» и «суоль». Наконецъ, при посредствѣ давнишнихъ своихъ сношеній съ Водью, а черезъ эту послѣднюю и съ Литвою, Чудь научилась въ томъ же отношеніи кое-чему и у Литвы, что видно изъ «ваго» (борозда), «ругишъ» (рожь), «хернехъ» (жирнисть — горохъ), «сигло» (секла—рѣшето), «яухъ» (явай—мука); переняла Чудь и одно орудіе отъ Литовцевъ, которымъ можно было не нагибаясь срѣзать колосья; въ отличіе отъ русскаго серпа, орудіе это называли «литовкъ» — коса. Даже для выраженія «молоть» нѣтъ у Чуди подходящаго слова и пришлось составлять новое: такъ какъ прежде не мололи, а просто давили камнемъ, то и вышло «кивилъ яухтада» — т. е. камнемъ въ муку обращать. Если мы и найдемъ у Чуди нѣсколько терминовъ, относящихся къ земледѣлію, какъ напримѣръ *херехъ*, *куидъ*, *ауме*, *нерте*, *пюрну*, *сууримъ*, то это еще вовсе не доказываетъ того, что Чудь знала о всемъ этомъ именно въ такомъ смыслѣ: такъ «херехъ» значитъ прежде всего грязь, а отсюда уже навозъ, *куидъ* вовсе не только лень, а однозначуще съ финскимъ *куйтту*, что обозначаетъ всякое волокно; *ауме* и *нерте* обозначаютъ прежде всего вообще кучи, *пюрну* — есть вообще чуланъ, а слѣдовательно и амбаръ, и наконецъ *сууримъ* есть не что иное, какъ производное отъ *суури* — большой, крупный. Дошедши издавна до разработки металловъ, славившіеся еще во времена Нестора кузнецы — Финны, а слѣдовательно и Чудь, должны обладать богатымъ запасомъ словъ, относящихся къ металлическимъ производствомъ; и дѣйствительно, мы находимъ это богатство у Чуди. Все кузнечное производство было имъ прекрасно знакомо, такъ какъ для каждой мельчайшей подробности въ кузнечномъ дѣлѣ они имѣютъ свои слова; изъ металловъ знали они о мѣди и серебрѣ, тогда какъ про желѣзо узнали видимо отъ Русскихъ (рауда), а съ золотомъ и оловомъ познакомились черезъ Шведовъ (кюльдъ и цина). Слѣдуетъ замѣтить, что молотокъ по-чудски называется *киви*, т. е. камень, что указываетъ на тѣ времена, когда молоты дѣлались еще изъ камня. Въ пряжѣ и тканѣ Чудь была не сильна, такъ какъ самая пряжа, напримѣръ, называется «лане», а это значитъ и нитка вообще и даже проволока; *кера* не только не обозначаетъ именно клубка нитокъ, но вообще — куча, свертокъ, комъ; русское слово «ткать» было слишкомъ трудно для чудскаго выговора, а потому и говорятъ они «куттода»; самую ткань называютъ они вообще покрывшкою — «кангасъ», а для холста прямо заимствовали готовое русское слово. Глаза Чуди могли разбирать лишь бѣлый, желтый, зеленый и черный цвѣта, тогда какъ синій переняли они отъ Русскихъ также точно, какъ и красный, который они и называли по преимуществу «рускедъ», въ виду того, что сами облюбили синій цвѣтъ. Жила Чудь въ рубленыхъ и раздѣлявшихся на отдѣльныя горницы (танназъ) домахъ; слѣдуетъ однако полагать, что въ ихъ жилищахъ оконъ не было, а свѣтъ проникалъ только черезъ двери (уксъ); не было при домѣ ни сада, ни огорода, но была баня, хотя она и считается національно русскимъ изобрѣтеніемъ; не только для бани есть особое слово въ чудскомъ языкѣ, но имѣется даже и особый божокъ, ея завѣдующій. И красть-то было, вѣроятно, въ домахъ нечего, да и не предстояло въ кражѣ нужды, а потому и двери домовъ видимо не запирались; съ запорами и съ ихъ необходимостью познакомились Чудяне черезъ Шведовъ, что видно изъ слова «луколь» — замокъ, происходящаго отъ древне-скандинавскаго и готскаго — луканъ, сохранившагося до сихъ поръ въ англійскомъ — to luck. Ясное дѣло, что, находясь на низкой

Обрушивший чудской поселокъ на р. Ояти.

ступени цивилизаціи, Чудь не торила дорогъ, а ходила тропами — «тіе», зимою ходили они по снѣгу на «суksi» — лыжахъ, а изъ экипажей были знакомы съ «реги» — дровни, тогда какъ съ саями и кпутомъ видимо спознались черезъ Русскихъ, что видно изъ словъ «сань» и «розге». Въ горницахъ у нихъ скамеекъ не было, хотя они и знали постель, которую называли спальни-цею — «удадъ»; для удобства клали они подъ головы подушки — «резала» (изголовье); тутъ же въ комнатѣ стоялъ ушатъ («корвай» отъ «корва» — ухо), а при печкѣ былъ котелъ, ковшъ и не хватало лишь блюдъ, ложекъ и вилокъ. Одѣвался Чудинъ попросту; на немъ была рубаха (пайдъ), штаны (кидіадъ), онучи (хитрадъ), берестовыя лапти (вирзудъ), кожухъ (пойхъ), а на голову надѣвалъ онъ кошель (кукоръ); бабы просто ходили въ рубахахъ, такъ какъ слово юпка заимствовано изъ русскаго языка; волосы падали распущенные по плечамъ, такъ какъ и для косы слова своего не имѣютъ; на шеѣ у женщинъ, а также вѣроятно и у мужчинъ, во множествѣ висѣли бусы (кирь), а на пальцахъ у нихъ надѣты были большіе перстни (сормузъ); маленькія колечки переняла Чудь у Шведовъ и назвала ихъ «ринхайне». Очень понятно, что писать Чудь вовсе не умѣла, хотя, по всеѣмъ вѣроятіямъ, подобно остальнымъ народамъ финскаго происхожденія, обладала какими нибудь знаками и тавровымъ письмомъ, что доказывается словомъ *киреюшада* (писать), которое означаетъ прежде всего рисовать. Знали Чудяне о возможности плавать по водѣ въ лодкахъ (веннехъ), хотя по всеѣмъ вѣроятіямъ толкались, а не гребли и не ѣхали на парусахъ, мачтъ не водружали; лодки свои они имѣли и находили необходимымъ про-смаливать (тервестада) и употребляли въ разныя подѣлки веревки (нооръ).

Ни городовъ, ни селъ у Чуди не было; тѣмъ не менѣе Чудь признавала и мѣну, и торговлю, хотя и не имѣла ни особаго торгующаго сословія, ни опредѣленныхъ для торговли мѣстъ, ни наконецъ денегъ. Все, что касается охоты, было въ точности и въ подробности извѣстно Чуди, какъ видно изъ чрезвычайнаго богатства всякихъ охотничьихъ терминовъ; при томъ слѣдуетъ замѣтить, что они не только убивали дичь и звѣря, но умѣли уже дѣлать петли (рихмадъ) на мелкую дичь и насти (ваксъ) на крупнаго звѣря. Особый интересъ представляетъ картина семейныхъ отношеній Чуди, которая семью называетъ также точно, какъ толпу и народъ (канза); имѣя свои собственныя слова для обозначенія членовъ семьи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова и для акта женитьбы, Чудь переняла однако русскую свадьбу, приданое, жениха и невѣсту, такъ какъ «*найненъ*» просто означаетъ зрѣлую дѣвушку. Вѣроятно Чудь никого не изгоняла изъ страны, при своемъ поселеніи, такъ какъ не имѣетъ понятія о рабствѣ и слугахъ; лодейнопольская Чудь про внука не знаетъ, тогда какъ бѣлоозерская называетъ его большимъ сыномъ (суурі пойгъ); также точно не умѣетъ первая различить и невѣстку по-своему, тогда какъ Бѣлозерцы прямо называютъ ее «пахайненъ тюттеръ» (малая дочь); знала Чудь и про тещу, и про зятя, и даже про деверя. Не знала Чудь и не вѣдала ничего о родинѣ, товариществѣ, дружбѣ, сосѣдствѣ, хотя чужака и сумѣла назвать «*віерасъ*». Все слова, относящіяся до общественнаго устройства, несомнѣнно чудскаго происхожденія, за исключеніемъ конечно такихъ, которыя предполагаютъ уже болѣе цивилизованный порядокъ вещей; знали напр. Чудяне, что людей можно вѣшать — «*ринпутада*» на висѣлицѣ (ринпутезъ) и даже отрубить голову при случаѣ, но не вѣдали ровно ничего о палачѣ, судѣ, законѣ, свидѣтелѣ, ростовщикѣ, и вора называютъ *варгасъ*, а господина — *боляръ*. Какъ обыкновенно ни печаленъ съ виду Чудинъ, однако и онъ по временамъ услаждался музыкою, играя на прямомъ берестяномъ рожкѣ (торвь) и на искривленномъ (сервудъ); былъ и еще одинъ инструментъ у Чуди — *кантелетъ*, но въ настоящее время во всемъ Лодейнопольскомъ уѣздѣ есть одинъ лишь человекъ, который не только сыграть можетъ на кантелетѣ (родъ старинныхъ гуслей), но и сдѣлать его.

Не приходилось, видно, Чуди часто воевать, да и вообще она народъ не воинственный, а потому она и не имѣетъ въ языкѣ своемъ особыхъ словъ для обозначенія врага или войны; сосѣдей своихъ однако Чудинъ различать умѣетъ и Шведа называетъ *руотшенимсъ*, Русскаго —

веннѣмессъ, Эстонца, Савакота и Водина изъ Петербургской губерніи — *вѣрасмессъ*, Кареляка — *карѣанмессъ* и наконецъ Бѣлозерца — *бѣлозермессъ*. Какъ ни страннымъ кажется, что до сихъ поръ еще въ значительной чистотѣ сохранились такъ близко отъ русской столицы потомки Несторовой Веси, но тѣмъ не менѣе приходится засвидѣтельствовать тотъ фактъ, что между Чудью вовсе незамѣтно слѣдовъ вымиранія; дѣтопроизводительность Чудянокъ далеко не ограничена, такъ какъ средняя дѣтопроизводительность равняется 8,4 ребенка на женщину; правда, что изъ этого числа дѣтей выживаютъ только 58%. Такимъ образомъ ясно, что не вымираніемъ суждено изойти Чуди, а между тѣмъ достаточно даже и поверхностно познакомиться съ ея жизнію, чтобы примѣтить, какъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе отступаетъ она передъ русскимъ вліяніемъ и постепенно русѣетъ. Но и въ этомъ несомнѣнномъ фактѣ быстрого и послѣдовательнаго обрусѣнія опять же не сводные браки и не метисація играютъ главную роль, а только необходимость поддѣлываться подстать болѣе культурной народности; мало-по-малу оставляется народная одежда, за нею вслѣдъ выучиваются, сначала по необходимости, а потомъ и въ силу моды, русскому языку, затѣмъ оставляютъ совершенно свой собственный языкъ, и недавній еще чудской домъ дѣлается вконецъ русскимъ. Топоръ лѣсопромышленника — вотъ орудіе обрусѣнія въ Чудскомъ краѣ, и едва пало подъ его ударомъ въ этой глуши дерево, какъ въ чудскомъ поселеніи начинается уже слышаться русское слово; срубленъ лѣсъ — явилась въ чудскомъ поселкѣ церквенка, и не отличивъ его уже отъ остальныхъ чисто-русскихъ: только скуластость да бѣлесоватость глазъ жителей напоминаетъ изслѣдователю, что здѣсь живетъ не исконная Русь, а инородецъ.

Мало что помнитъ Чудинъ изъ своего былаго и когда-то очень богатаго, повидимому, этнологическаго прошлаго; теперь всякій Чудинъ только плечами пожимаетъ, когда назовешь ему Вѣйнэмойнена, Ильмаринена или Похіолу, и увѣряетъ, что никогда и не слыхивалъ ничего о такихъ людяхъ; онъ и не знаетъ тѣхъ, кто прежде и притомъ сравнительно весьма еще недавно заправлялъ его судьбами, и покинулъ своихъ прежнихъ великихъ богинь и боговъ, ограничиваясь лишь мелкими своими былыми божками, которые все еще неизмѣнно живутъ съ нимъ, вмѣшиваются въ его дѣла и стараются то дѣлать добро, то насолить чѣмъ нибудь Чудину; всѣ эти божки, подъ сильнымъ вліяніемъ христіанства, успѣли уже принять въ народномъ воображеніи полную окраску обыкновенной чертовщины, но и подъ этою чуждою имъ формою все же всегда можно опредѣлить границы ихъ дѣйствія и т. п. Понятное дѣло, что ближе всего къ Чудину долженъ стоять тотъ славный малый, добрый божокъ, которому вѣрена судьба дома; на такую дѣятельность обреченъ «кудинъ-ижандъ» или домовый хозяинъ, которому изъ любви и мѣсто отведено въ домѣ тепленькое и удобное, за печкою, гдѣ впрочемъ и у русскаго человѣка не безъ добраго божка; но не на одномъ лишь мѣстѣ жительства сошлись оба божка, а и на дѣятельности своей и на способахъ дѣйствія: и тотъ и другой наблюдаютъ за домомъ и его жителями, но оба шутники и весельчаки великіе, если только ихъ не разсердятъ поступки ими покровительствуемыхъ людей. Лучше бы и на свѣтъ тому человѣку не родиться, что не уважитъ кудинъ-ижанду; долго терпитъ онъ обиды людей, но если уже разсердится, напримѣръ, когда какой нибудь невѣгласъ отнесется къ нему безъ необходимаго почтенія, то бѣду сдѣлаетъ такую, что и вѣкъ помнитъ будешь; а за то, если уважитъ его хозяинъ, радъ онъ ему всякое добро сдѣлать: и скотинку его холить, и семью бережетъ, и даже, если огонь въ сѣно уронить кто-нибудь изъ семейскихъ, такъ и то кудинъ-ижандъ, откуда ни возьмись, явится и потушитъ пожаръ въ самомъ началѣ. Какъ только выстроитъ Чудинъ новую избу, такъ приходится кудинъ-ижанду поклоняться; добрый и путный человѣкъ не безъ ума тоже въ новый домъ перейдетъ, а по стародавнему обычаю, какъ привыкъ кудинъ-ижандъ; станутъ хозяинъ и хозяйка (а иногда и всѣхъ дѣтей для пущаго почета выстроить) лицомъ къ печкѣ, поклонятся по тому направленію трижды и просятъ умильно: «приди, старій, приди, молодой, приди, кормилецъ кудинъ-ижандъ, жить съ нами въ новомъ

мѣстѣ!» Коли не сердить на нихъ божокъ, то вслѣдствіе такого приглашенія конечно послѣдуетъ за ними, а чтобы ему меньше при переѣздѣ трудовъ было, захватить хозяйка изъ печки золы въ лукошко и уголекъ тлѣющій, спрячетъ и золу и уголь въ хлопокъ и несетъ кудинъ-ижанда въ новую избу, несетъ и почестливо, и бережно, чтобы вѣтеръ на старого не дунулъ, дождь его не вымочилъ и дурной человѣкъ ему не досадилъ дорогою. А какъ придутъ въ новую избу, такъ и тогда надо знать, какъ поступить, такъ какъ дѣло еще не окончено; слѣдуетъ у порога приостановиться и бережно переставить правую ногу черезъ порогъ, держа въ рукахъ цѣльную, свѣжую и непочатую ни съ какого конца ковригу хлѣба да пѣтуха покраснѣе; затѣмъ полагается бросить пѣтуха въ избу, а ковригу забросить за печку и примѣчать потомъ, не крикнетъ ли пѣтухъ «кукареку!» Коли крикнетъ пѣтухъ—кудинъ-ижандъ, значитъ, соблаговолилъ перейти на новое мѣсто, не побрезговалъ новымъ запечемъ; ясное дѣло, что въ этомъ обычай коврига хлѣба — жертва божку, а пѣтухъ, какъ самъ домовикъ, его символъ и потому замѣняетъ его самого. Не одинъ лишь домъ однако пользуется привилегіею имѣть своего собственного хранителя и божка, и баня также обладаетъ хозяиномъ, съ которымъ и подавно слѣдуетъ жить въ мирѣ и согласіи, такъ какъ иначе куда какъ плохо придется неосторожному Чудину, съ нимъ въ чемъ нибудь не поладившему и въ чемъ нибудь ему не уважившему. Чудной какой-то этотъ банный хозяинъ, а по-чудски «кюльведь-ижандъ», и даже рѣдко кому удавалось увидѣть его; иной разъ и покажется онъ, да такъ неясно, въ такомъ словно туманѣ, что и не развѣдаешь, каковъ онъ съ обличья; иные сказываютъ, будто онъ и волосатый-то, и черныи-то, и непригожій, а спросить у любой дѣвушки, что гадала о суженомъ въ «молодое солнце» (праздникъ Рождества), такъ, по ея рассказамъ, кюльведь-ижандъ вовсе не такъ страшенъ и сильно смахиваетъ на ея суженаго, ходитъ больше голый, бѣлъ и красивъ и обладаетъ всеми хватками парней — все бы баловалъ да щипался. Старухи увѣряютъ, что онъ ихъ не разъ по головамъ билъ въ банѣ, такъ что даже обезпамятѣетъ старуха, а не любящимъ женамъ садится онъ ночью на грудь подъ видомъ ихъ мужа, и гнететъ ихъ, и дышать имъ не даетъ; впрочемъ иногда онъ и мальченкамъ, и дѣвчонкамъ пряниковъ и орѣховъ въ банѣ надаетъ, только въ томъ-то и странность, что въ этихъ случаяхъ всегда тятка или мамка, глядишь, пятака не досчитаются. Кто кюльведь-ижанду не поклонится да не уважитъ, гдѣ поклономъ, а гдѣ и подносомъ, съ тѣмъ у него расправа коротка и судъ недолгій: взгонитъ онъ человѣка чуть не на самую каменку и подпалитъ, или обваритъ кипяткомъ, или задунитъ чадомъ; человѣкъ бывалый и знающій силу божка войдетъ въ баню, остановится еще на порогѣ, да и поклонится по направленію къ каменкѣ. «Позволь, старый батъко, кюльведь-ижандъ, въ твоей банькѣ мнѣ попариться» — слѣдуетъ попросить старика. Для такого человѣка старый батъко такого легкаго пара дастъ, что не баня будетъ, а лѣтній воздухъ.

Какъ ни мало сѣетъ хлѣба Чудинъ, а все же сѣетъ, собираетъ, сушитъ и молотитъ въ особой построечкѣ, что называется у Чуди—«ригхэ», а по нашему—ригою; сама по себѣ рига тоже не простоитъ, и ей понадобился свой особый покровитель—«ригхэ-ижандъ»; дѣятельность его тоже широкая и работы, и заботы ему не мало: въ пору надо жару пустить на снопы, замолотъ дать порядочный своему вѣрному поклоннику, который не позабудетъ и не пожалѣетъ первый снопъ ригачнику отдать на жертву, выбросить въ узенькое оконце, продѣланное въ стѣнѣ. Коли добрый хозяинъ почтетъ ригхэ-ижанда, такъ онъ и изъ одного снопа дастъ такой умолотъ, что въ иное время и изъ четырехъ, пяти сноповъ не выколотишь, а коли позабудетъ его, такъ уже не жди добра: и умолотъ будетъ скверный, и зерно спалитъ, да сгоритъ и рига. Въ лѣсу, на счастье, а то и на горе человѣку, смотря по его собственному поведенію, живетъ «метцъ-хиннэ», который всемъ смахиваетъ на нашего русскаго лѣснаго; всякій, кто входитъ за какимъ нибудь дѣломъ въ лѣсъ, долженъ почтить метцъ-хиннэ, а то и удачи ни въ чемъ не будетъ, да и самого-то шутникъ уведетъ въ такое мѣсто, откуда ни хода, ни гляда. А брось только въ первый же понавѣявшійся кустъ нѣсколько зеренъ овса, серебра (или олова,

такъ какъ божокъ плохъ, видно, въ металлургіи—не отличить одно отъ другаго) и перьевъ, т. е. плодовъ отъ того, что на землѣ, подъ землею и въ воздухѣ, и метцъ-хиннэ принесетъ тому человѣку всякую прибыль. Безъ работы метцъ-хиннэ жить не можетъ ни минуты, и лучше задать ему какую ни на есть работу, хотя бы и пустую и никому ни на что не годную, а то отъ бездѣлья онъ непременно сочинитъ и устроитъ какую нибудь штуку и подведетъ ни въ чемъ неповиннаго человѣка, если только этотъ послѣдній не «тедай-месь» — вѣдунъ и знахарь, который всегда можетъ въ рукахъ держать «метцъ-хиннэ». Тедай-месь можетъ всячески распорядиться этимъ божкомъ; для него онъ и лисицу въ капканъ вгонитъ, и рябчика въ силочъ заведетъ. Слущается метцъ-хиннэ и пастуха деревенскаго, если только этотъ послѣдній позапасся, да взялъ у колдуна заговоръ на него; но и тутъ опять-таки нельзя оставлять его безъ дѣла, и знающій пастухъ всегда заставляетъ метцъ-хиннэ что нибудь дѣлать: то заставитъ сосну на волокна расщепать, то предложитъ ему озеро выпить, а одинъ пастушенокъ, говорятъ, когда не хватало божку работы, заставилъ его считать песокъ на днѣ «Онег-ламбы» и сразу на пять лѣтъ отъ него избавился. Такому пастуху, обладающему заговоромъ на метцъ-хиннэ, нечего о скотинѣ заботиться: онъ и накормитъ ее и пропашую, если такой грѣхъ случится, отыщеть; бывало, что метцъ-хиннэ приводитъ подобную пропашую корову изъ-подъ Іерусалима, но бѣда, если пастухъ потомъ найдетъ пропадавшую скотину и труды божка сдѣлаются напрасными: изобьетъ онъ того пастуха и сживетъ со свѣта. — На что уже сильны всѣ эти божки, а все-таки посильнѣе ихъ будетъ старшій «ведэ-хиннэ», который живетъ обыкновенно въ кружалахъ и водоворотахъ. Лучше и не проѣзжать мимо того мѣста, гдѣ живетъ этотъ чудеской водяной, если не надумалъ заранѣе поклониться ему честь-честью. Онъ, старшій, радъ бываетъ хлѣбу и охотникъ до табаку, а потому и слѣдуетъ ему бросить въ воду того и другаго; купаться ли пошелъ, плывешь ли на лодкѣ—спроси позволенія у ведэ-хиннэ, а иначе и не суйся; закупаетъ, потопитъ. Не прочь и даже особенно лакомъ ведэ-хиннэ на человѣчину, и коли буря застала, или запросто тонешь на рѣкѣ или озерѣ, или запруда не ладится, стоитъ лишь посулить старому какое нибудь человѣческое имя, чтобы избыть бѣды; онъ и самъ суженое возьметъ—ни у кого помощи не попроситъ и приходится лишь остерегаться, чтобы не назвать такое имя, которымъ зовется кто нибудь изъ родни, или изъ близкихъ. — На всякую бѣду, на всякій случай есть у Чудина особая, завѣщаемая ему старыми, бывалыми людьми, примѣта и ухватка; иной, кто не знаетъ всей этой премудрости, пожалуй, легко впросакъ попадетъ, а человѣкъ умный, да къ словамъ и наукѣ старыхъ людей примѣтливый ни за что подлѣ лошади во время грозы не станетъ, такъ какъ лошадь сдѣлалъ нечистый. Какъ ни много такихъ примѣтъ въ чудеской мудрости набралось, все же однако надоѣдаютъ имъ «лембой»—мелкіе чертенятки, которыхъ, кажется, вся задача въ томъ, чтобы чинить людямъ всякія пакости; терпятъ они тоже не мало отъ того тедай-меса, который особенно золь и получаетъ въ силу своей злобы прозвище «нойда»; только послѣ его смерти приводится дышать легко, да и то если окуютъ его гробъ мѣдными обручами, заколотятъ его мѣдными гвоздями, да и въ пятки-то мертвецу гвоздей мѣдныхъ набьютъ, такъ какъ мѣдъ — чистая и съ нею никогда никакая нечисть не справится, потому—она отъ Бога.

Родится Чудинъ такъ же точно, какъ и всякій другой человѣкъ, и та же знахарка принимаетъ новорожденнаго и непременно громовою стрѣлкою (каменнымъ ножомъ) отрѣзаетъ ему ту связь, что соединяла его съ матерью. Изъ старины повелось среди Чудянокъ кормить грудью подолгу, пока у матери не хватаетъ уже силъ терпѣть и юный Чудинъ не искушаетъ ее въ кровь; зубы у дѣтей показываются только на второмъ году, а кормятъ ихъ грудью часто по два года. Никакихъ особенныхъ обрядовъ и торжествъ при рожденіи не полагается, такъ какъ, повидимому, и радоваться-то особенно нечего, что родился новый бѣднякъ на свѣтъ Божій. Въ 16 лѣтъ парня стараются уже всячески женить, а дѣвку и раньше того окрещиваютъ, что однако вовсе не вліяетъ дурно на рожденіе дѣтей, такъ какъ среди Чуди нерѣдкость увидеть шестнад-

цатилѣтнихъ матерей. Безъ калыма сватовство и женитьба конечно не обходятся, при чемъ онъ доходить до 10 и болѣе даже рублей и передается прямо въ руки будущему тестю, который самъ однако никогда калымомъ не пользуется, а по возвращеніи молодыхъ отъ вѣнца отдаетъ цѣликомъ своей дочери на первое обзаведеніе. Интересно, что калымъ этотъ называется почудски «верехіинэ-велгъ» или кровавый долгъ, что ясно показываетъ на стародавнее значеніе калыма, какъ платы за выдачу изъ семьи одной изъ кровныхъ ей женщинъ, а быть можетъ и дѣйствительно за пролитую кровь. Прежде, какъ рассказываютъ, были въ больномъ ходу браки уводомъ, но теперь старина мало-по-малу забывается, мало кто продолжаетъ ея придерживаться и если совершаются еще кое-когда уводы, то съ согласія родителей невѣсты. Начинается сватовство конечно съ обычнаго рукобитья, на которомъ невѣста со стаканомъ водки въ рукахъ обходитъ всю родню, потчуетъ каждаго гостя и жениха, который непременно долженъ въ стаканъ опустить колечко или монету серебряную ради того, чтобы бракъ ихъ былъ такъ же крѣпокъ, какъ крѣпка водка, и такъ же свѣтелъ, какъ свѣтло серебро. Угостивши всѣхъ присутствующихъ, невѣста уходитъ въ уголъ, къ печкѣ, гдѣ и сидитъ цѣлый вечеръ, плача и причитая. Слѣдующій пиръ назначается всегда въ самый уже день свадьбы и притомъ непременно въ томъ домѣ, гдѣ потомъ будутъ жить новобрачные; при этомъ братъ новобрачной, одѣтый въ вывороченную шубу, не подпускаетъ молодого къ своей сестрѣ, отгоняетъ его, но дѣло кончается ко всеобщему удовольствію, такъ какъ въ концѣ концовъ братъ получаетъ монетку въ качествѣ отступнаго, а молодой дѣлается обладателемъ своей супруги и въ знакъ общности интересовъ ѣстъ съ нею изъ одной посуды и одною ложкою. Затѣмъ на молодую надѣваютъ праздничную одежду, берутъ подъ руки и выводятъ къ гостямъ, къ которымъ обращаются при этомъ съ вопросомъ: мила ли имъ молодая княгиня? На такой вопросъ, конечно, и круглый невѣжа отвѣтитъ утвердительно, а молодая при такомъ отвѣтѣ отвѣшиваетъ на каждую похвалу по земному поклону; молодой бѣжитъ за горшкомъ крутой каши, высоко поднимаетъ надъ головою горшокъ этотъ, ломаетъ его и откусываетъ кусокъ каши прямо отъ колоба. Не безъ символическаго значенія этотъ простой на первый взглядъ обрядъ, такъ какъ ломка горшка и укусъ служатъ дружкѣ и свахѣ сигналомъ къ тому, чтобы взять опять подъ руки молодую и увести въ ту горницу, гдѣ заблаговременно изготовлено для молодыхъ брачное ложе. Придя въ брачную горницу, дружка выхватываетъ изъ-за пояса плеть, изо всей силы ударяетъ ею по постели, укладываетъ какъ разъ на битое мѣсто молодую, а затѣмъ обокъ съ нею и молодого, снова, но легонько ударяетъ молодую плетью и затѣмъ спрашиваетъ: «съ кѣмъ ты спишь?» По изстари заведенному обычаю, молодая не должна отвѣчать на этотъ разъ и оставить безъ отвѣта тотъ же вопросъ, повторенный дружкой послѣ новаго удара плетью; только по третьему спросу молодая отвѣчаетъ дружкѣ, называя по имени своего мужа, послѣ чего и дружка, и сваха оставляютъ молодыхъ и присоединяются къ гостямъ. Пиръ тянется всю ночь напролетъ, и количество выпиваемаго тутъ вина превосходитъ всякіе размѣры.

Карелы.

Чудинъ недолговѣченъ уже въ силу чисто-климатическихъ причинъ, а причины экономическія только еще болѣе сокращаютъ его среднюю жизнь, которая поэтому и опредѣляется обыкновенно въ пятьдесятъ лѣтъ. Когда Чудинъ не на шутку вздумаетъ умирать, старуха изъ его дома или же какое другое лицо изъ семьи, знающее обычай народные и старинныя по-
вадки, розыскиваетъ среди посуды чистый ковшъ, зачерпываетъ въ него воды и ставитъ

ковшъ на оѣшкѣ для того, чтобы душа покойника, по выходѣ ея изъ тѣла, могла обмыться отъ приставшей къ ней на землѣ нечисти. Когда ковшъ поставленъ, необходимо подергать покойника за ноги, чтобы онъ не потащилъ за собою еще кого нибудь изъ своей семьи. Справивши все это по порядку, мертвеца обмываютъ, одѣваютъ въ саванъ изъ холста и кладутъ на лавку, а не на столъ, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ онъ могъ бы сдѣлать собою всякую крошку хлѣба «мертвымъ кускомъ», гибельнымъ для того, кто съѣстъ его. Воду, которою обмыли покойника, зря выливать не приходится, а надо прежде выкопать ямку и влить туда эту воду (туда же кладутся и стружки, оставшіяся отъ постройки гроба); тутъ же надъ засыпанной ямкой сложать потомъ небольшой костеръ и сожгутъ его, чтобы огнемъ очистить это мѣсто. Поминки справляютъ различно, смотря по состоятельности семьи и по тому, какимъ расположеніемъ со стороны родственниковъ пользовался покойникъ при жизни; поминаютъ на 3, 6, 9, 12, 20, 30 и 40 дни, въ полугодье и въ годовщины, но въ большинствѣ случаевъ и притомъ охотнѣе всего устраиваютъ поминки въ 3 и 40 дни, и дальше одного года не идутъ воспоминанія объ умершемъ сородичѣ. На поминанъе пекутъ обыкновенно рыбникъ, т. е. пирогъ съ цѣльною, запеченною въ него рыбиною совсѣмъ въ чешуѣ; берутъ этотъ рыбникъ съ собою, идутъ на могилу и зарываютъ на ѣду покойника. За обѣдомъ на долю покойника ставятъ особый приборъ, а если священникъ слишкомъ уже ретиво слѣдитъ за искорененіемъ языческихъ обрядовъ, то прячутъ подъ скатерть его излюбленную ложку. Коли покойникъ при жизни былъ человѣкъ добрый да хорошій, такъ онъ тихо и мирно спитъ въ своей могилѣ и никакого безпокойства своимъ сородичамъ послѣ смерти не причиняетъ; но чуть только отличался онъ при жизни нравомъ неспокойнымъ, такъ и послѣ смерти нескоро онъ угомонится и всенепремѣнно сдѣлается лембоемъ на несчастье своихъ родственниковъ.

Видно, Чудь издавна жила многотягольно, такъ какъ и до сихъ поръ замѣчается еще между Чудью стремленіе къ многотягольности; случается встрѣтить въ Чудской сторонѣ и притомъ въ особенности тамъ, гдѣ чудская старина осталась въ наибольшей чистотѣ, т. е. въ густо населенныхъ одною Чудью мѣстностяхъ, семьи въ 30 и даже болѣе душъ; такія семьи въ оправданіе своего нежеланія приступить къ дѣлежкѣ прямо и безповоротно говорятъ, что «слога—силнѣе Бога». Вся семья держится конечно главою, который можетъ быть дѣдомъ при дѣтяхъ и внукахъ, старшимъ дядей при братьяхъ и племянникахъ и даже иногда (конечно довольно рѣдко) младшимъ дядей при старшихъ братьяхъ и племянникахъ; нигдѣ и не слышано на Чуди, чтобы хозяйство въ семьѣ получила женщина, такъ какъ возрѣнія Чуди на женщинъ не отличаются особенною охотою признать за бабами равныя съ мужчинами права. Не имѣя достатковъ, часто голодая, за отсутствіемъ лѣсосѣчной и другой работы, нельзя Чудину быть особенно гостепріимнымъ, хотя всегда Чудинъ радъ накормить заходяго человѣка; въ большей части случаевъ гостю предложить ночлегъ, но не станутъ навязывать ѣду, которой часто не хватаетъ и самимъ-то. По обычаю старинному, передаваемому изъ поколѣнія въ поколѣніе, всякій Чудинъ почтительно относится къ отцу и матери, но въ послѣднее время мало-по-малу замѣчается въ этомъ отношеніи порча правовъ, благодаря вліянію русскихъ насельниковъ; слышатся уже чаще и чаще жалобы на отсутствіе почтенія къ старшимъ, а съ чужими стариками такъ и вовсе молодежь не церемонится. Женщина въ семьѣ не имѣетъ рѣшительно никакихъ правъ и несетъ на своихъ плечахъ лишь однѣ обязанности, которыхъ не мало; бабѣ не полагается ни продать, ни купить, и на всякое дѣло она должна испросить разрѣшенія или отъ хозяина, или отъ мужа своего, если дѣло касается не всей семьи, а лишь одной ихъ пары. Отецъ въ семьѣ является полноправнымъ владыкою и единственнымъ и притомъ вполне безконтрольнымъ хозяиномъ всего имущества; если ему вздумается, онъ можетъ лишить любого изъ членовъ семьи наслѣдства, и никто не станетъ, да и не смѣетъ корить его за несправедливость. Тѣмъ не менѣе обычаи все же такъ, хотя и весьма незначительно, ограничиваютъ права отца и заставляютъ его отказывать по смерти домъ младшему сыну. Коли

страшется бѣда и умереть у бабы мужъ, а дѣтей у нея не имѣется, то жена по мужъ не наслѣдница и не даютъ ей даже и изъ вещей ничего; развѣ сжалится кто изъ родни, да на память выдастъ ей саноженки или кожухъ какойнибудь рваный; даже постель и подушки, которыя она принесла съ собою въ приданое, должны остаться въ семьѣ мужа и никогда не могутъ быть ей выданы. Ясное дѣло, что если Богъ послалъ ей дѣтей, то она представляетъ собою уже зачатокъ новой семьи и потому имѣетъ право на полученіе равной съ своими дѣтьми части изъ оставшагося послѣ мужа имущества. При куплѣ и продажѣ повелось у Чуди такъ, что купленную вещь надо принимать изъ полы въ полу и кромѣ того, въ знакъ пріобрѣтенія права собственности надъ извѣстною вещью, сохою помахать, косою сдѣлать размахъ, потомъ подрѣзать на себѣ чтонибудь и т. п., а при покупкѣ скотины непременно нужно обвести покупку вокругъ себя до трехъ разъ. Крайне интересенъ и другой еще обычай, сохранившійся у Чуди и ведущій свое начало вѣроятно изъ сѣдой старины: никогда Чудинъ не станетъ клясться, подобно русскому человѣку, землею, а клянется всегда водою, которая, конечно, больше земли, кормитъ его и поитъ.

Живетъ Чудинъ лишь отчасти рыболовствомъ, продаетъ наловленную имъ рыбу скушникамъ, но употребляетъ ее по большей части для домашняго обихода; и лѣто, и зиму проводитъ онъ въ лѣсу, куда ходитъ за полѣсованьемъ на дичь и звѣря. Но главнымъ заработкомъ для Чудина является лѣсная работа; на его счастье и на погибель его обособленности зашелъ въ его страну русскій лѣсопромышленникъ, которому понадобились дрова и бревна; Чудинъ рубить лѣсъ, подвозитъ его къ рѣкамъ, сплавляетъ его до сборныхъ мѣстъ и кормится кое-какъ отъ тѣхъ крохъ, которыя падаютъ со стола лѣсопромышленниковъ. Трудная работа, дурная пища и плохія гигиеническія условія жизни наложили на Чудина нѣкоторую печать свою: обликъ его всегда грустный, ходитъ онъ какъ-то неповоротливо, удали въ немъ нельзя найти и намека; давно позабылъ онъ свой народный инструментъ и довольствуется одною дудкою въ рѣдкихъ случаяхъ своего веселья; поетъ онъ рѣдко, а если и запоетъ когданибудь пѣсню, то непременно русскую, грустную, которую передалъ ему прихожій лѣсопромышленникъ. Праздники проходятъ у Чуди какъ-то вяло и грустно; нѣтъ на улицѣ радости и веселья и, проходя въ праздникъ по чудской деревнѣ, и не узнаешь, праздникъ ли на дворѣ или будни; даже и посидѣлокъ не бываетъ на чудской сторонѣ. Пока кое-какъ перебивается Чудинъ въ Озерной области, со всѣхъ сторонъ подвигается на него, какъ туча, русская колонизація, которая скоро совершенно изгладитъ даже и послѣдніе слѣды стародавней Несторовой Веси.

Совсѣмъ близко, по сосѣдству съ Чудью поселился Карелякъ, мало чѣмъ отличающійся отъ только-что описаннаго нами народа. Сами себя, несмотря на свое сходство съ Чудью, Кареляки однако умѣютъ отличать отъ послѣдней и называютъ Каріалайсетъ, изъ чего нашъ русскій человѣкъ совершенно неправильно сдѣлалъ «Карелу», не сохранивши въ словѣ этомъ типическаго и кореннаго акающаго звука, благодаря которому прозвище народное можетъ сдѣлаться совершенно понятнымъ. Издавна стали ученые люди стараться объяснить это народное прозвище, но, какъ и большинство подобныхъ попытокъ, старанія эти остались безъ результатовъ, такъ какъ, повидимому, искали вовсе не тамъ, гдѣ было нужно. Такъ напримѣръ Лербергу показалось, что Карелу такъ назвали потому, что карри или кареа по-ихнему обозначаетъ владѣльца стада. Уже въ XIII вѣкѣ знали ихъ датскія лѣтописи и саги, а Шведы называли Карелію — «Ярлѣ-рики» потому, что король Олафъ отдалъ ее въ 1019 году въ приданое за своею дочерью Индигердою, вышедшею замужъ за князя Ярослава Владиміровича, а она, не имѣя возможности лично управлять отдаленною страной, назначила себѣ намѣстникомъ нѣкоего Рангвальда съ титуломъ ярла; въ силу этого послѣдняго обстоятельства большинство шведскихъ ученыхъ и до сихъ поръ увѣряютъ, что слово Карелія есть не что иное, какъ испорченное Ярелія. Есть еще и такіе, которые производятъ Карелію отъ слова «киръ», которое въ языкѣ сагъ означаетъ корову, но забываютъ при этомъ то обстоятельство, что

никогда народъ не принимаетъ для своего наименованія чужаго слова, для него непонятнаго. Байеръ почему-то увѣрялъ, что такъ назвался этотъ народъ просто лишь потому, что жилъ по берегамъ рѣки Корль, но и это мнѣнiе не имѣетъ никакого основанiя, и потому вопросъ о происхожденiи прозвища народнаго остается и до сей поры открытымъ и неразрѣшеннымъ.

Широко раскидывались карельскiя сельбища въ стародавнiя времена и обнимали собою всю страну Приладожскую и Онежскую вплоть до самой рѣки Онеги, гдѣ и до сихъ поръ

Карельская изба.

можно найти слѣды карельской старины въ названiяхъ селъ, рѣкъ и урочищъ. Быть можетъ, Карела тогда и не составляла еще одного цѣлаго и раздѣлялась на небольшiе народцы, сознававшiе однако общность своего происхожденiя; но тѣмъ не менѣе возможность этихъ отдѣльныхъ народцевъ была извѣстна даже и сосѣдямъ своимъ Русскимъ подъ именемъ «дѣтей карельскихъ», которыхъ лѣтописцы русскiе считали дикарями. Съ давнихъ поръ бойкая на передвиженiе и охотливая на поживу новгородчина высылала тѣхъ, кому плохо жилось дома, на исканiе лучшихъ мѣстъ; эти первые колонизаторы конечно не могли особенно стойко утвердиться въ новомъ краѣ, и только въ значительно позднѣйшее время началась вполнѣ правильная земледѣльческая колонизацiя, а не временная, охотничья и ушкуйническая. Въ XVII вѣкѣ въ Карельской землѣ уже появляются значительныя русскiя поселенiя, и въ самомъ центрѣ былой Карелии образуется значительное русское раскольниковское ядро, влiявшее такъ сильно на все остальное раскольниковское населенiе Россiи; шагъ за шагомъ двигалось это трудолюбивѣйшее изъ русскаго крестьянства населенiе, и по мѣрѣ его поступательнаго движенiя русскаго Карела, на которую судьба его наталкивала, такъ что въ настоящее время въ прежней чисто Карельской области, а именно въ Олонецкомъ и Петрозаводскомъ уѣздахъ, чисто карельское населенiе является лишь въ видѣ отдѣльныхъ острововъ среди совершенно обрусѣвшей и даже зачастую позабывшей свое происхожденiе Карелы, а въ Повѣнецкомъ уѣздѣ Олонецкой же губернии сельбища карельскiя сдѣлались совершенно русскими по всему теченiю р. Выга и въ

окрестностяхъ самого города Повѣнца. Самая р. Выгъ, благодаря вліянію выговскихъ раскольниковыхъ обитателей, потеряла вполнѣ значеніе карельской рѣки, и бывшія карельскія волости Вожмосальма и Выгозерская иначе не называютъ себя, какъ русскими; этотъ Выгъ не только по населенію своему сталъ русскимъ, но и сдѣлался дорогъ всякому русскому по воспоминанію о походѣ Петра Великаго, когда онъ во главѣ своего войска переташилъ нѣсколько морскихъ судовъ изъ Нюхчи на Бѣломъ морѣ въ Онежское озеро; тутъ на Выгу былъ имъ устроенъ «дикъ» или станція, и тутъ сказалъ онъ свое великое человѣческое слово о томъ, чтобы не смѣли преслѣдовать раскольниковъ, а этихъ послѣднихъ просилъ не молиться за него какъ «за царя», а молиться просто за раба Божія Петра. Теперь на этомъ дорогомъ для всякаго русскаго мѣстѣ стоитъ деревянный крестъ, простой, безхитростный, но срубленный мѣстными крестьянами, узнавшими о значеніи Выгорѣцкаго Петрова яма.

Наданы, столица Карелии.

Кеппенъ дѣлитъ всю Карелу на четыре отрасли, которыя различаются между собою по языку, но ни въ одеждѣ, ни во внѣшнемъ своемъ видѣ не представляютъ ровно никакой разницы; сами Кареляки не всегда умѣютъ различать въ своей средѣ представителей этихъ четырехъ отраслей, и только въ наукѣ извѣстны Эвримойсеты, Савакоты, Ингримойсеты и Кареляки въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Всего Карелы насчитываютъ въ настоящее время около 290,000 душъ, причемъ на долю Эвримойсетовъ приходится 36,000, Савакотовъ — 49,000, Ингровъ или Ижоры — 18,000 душъ обоего пола, а остальное на долю собственно Карелы. По губерніямъ Карелы живутъ въ разныхъ количествахъ, а именно въ одной Финляндіи ихъ насчитываютъ 95,000 душъ, въ Олонецкой губерніи 55,000, въ Архангельской — 15,000, въ Новгородской — 34,000, въ Тверской до 90,000 и наконецъ въ Ярославской губерніи — 1,200 душъ обоего пола.

Трудно провести рѣзкую черту во внѣшности между общимъ, такъ называемымъ, великорусскимъ типомъ и типомъ Кареляка, который даже и отъ своихъ-то отсталъ по обличью настолько, что его ни въ какомъ случаѣ не отличишь по тѣмъ признакамъ, что признаны характеристичными для Урало-алтайцевъ. Карелякъ обыкновенно выходитъ изъ границъ, обозначенныхъ для людей средняго роста, и зачастую среди Кареляковъ можно встрѣтить рослыхъ мужчинъ (рослыя женщины встрѣчаются тоже), которымъ могли бы позавидовать даже и наши Ярославцы, отличающіеся вообще своимъ ростомъ. Кромѣ высокаго роста, Карелякъ выдается своимъ крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, причемъ встрѣчаются жирные экземпляры и сухонарые весьма рѣдки; онъ прекрасно сложенъ, кости его правильно и хорошо развиты, онъ коренастъ и на работу споръ не хуже самыхъ большихъ крѣпышей изъ Русскихъ; тѣмъ не менѣе и среди Карелы одутловатость встрѣчается лишь въ качествѣ исключенія изъ общаго правила, тѣтъ болѣе, что число одутловатыхъ отъ пьянства весьма незначительно, какъ вслѣдствіе дороговизны водки, такъ и по-

тому, что значительная часть Кареляковъ принадлежитъ къ Ижорскому согласію безпоновщинской секты и слѣдовательно воздерживается отъ крѣпкихъ напитковъ. Цвѣтъ кожи чрезвычайно свѣтлый по тону окраски и представляетъ собою все свѣтлѣйшіе тоны свѣтлорозоваго цвѣта, со встрѣчаемою лишь изрѣдка желтизною, которая однако скорѣе всего происходитъ отъ загара на открытыхъ мѣстахъ и отъ желчности Карелы; свѣтлоричневатость наблюдается очень рѣдко и отнюдь не можетъ быть признана отличительною для этого народа. Можно прямо сказать, что Карелякъ или темнорусъ, или прямо и безповоротно брюнетъ; бѣлокурые среди нихъ такъ же рѣдки, какъ и среди Негровъ, хотя въ малолѣтствѣ всякій Карелякъ проходитъ черезъ бѣлокурость, какъ и русскіе ребята; чаще всего встрѣчаются темные тоны орѣхово-коричневатаго цвѣта, а также и оливковатаго, рѣже попадаются темногрязные волосы и почти никогда — красноваторыжіе. Борода по обыкновенію довольно густа и курчава, также какъ и волосы на головѣ довольно часто попадаются курчавые, хотя волокнистые волосы и составляютъ преимущественную отличительную черту Карелы. Брови прямо заявляются или самыми темными оттѣнками темногрязнаго цвѣта, или же темнокоричневыми; онѣ чаще всего густы и расположены больше въ струнку, а не дугою. Иногда, хотя и не особенно часто, встрѣчается у Кареляковъ и растительность на тѣлѣ, но вовсе не особенно развитая и притомъ чаще на рукахъ и ногахъ, нежели на груди. Касательно глазъ Карела тоже начинается какъ бы отступать отъ общаго типа финскихъ народовъ, такъ какъ среди нихъ достаточно часто попадаются уже субъекты съ темнокариими и темноглубыми глазами; что несомнѣнно должно быть приписано скрещиваніямъ съ Русскими, которыя совершаются весьма охотно въ тѣхъ волостяхъ, гдѣ Русскіе живутъ вблизи отъ карельскихъ поселеній; гораздо болѣе чистота типа въ этомъ отношеніи сохранилась у тѣхъ отраслей Карелы, которыя живутъ ближе къ Петербургу, хотя тамъ и не слыхать вовсе о скрещиваніяхъ съ Русскими. Интересно, что и у Карелы ни сѣрыхъ, ни темногрязныхъ глазъ наблюдать не приходится и встрѣчаются лишь разные оттѣнки карихъ и голубыхъ глазъ. Въ особенности рѣзко отличается Карела отъ своихъ собратій по внѣшнему виду волосъ: не только нельзя сказать, что карельскіе волосы гладки, но скорѣе, и притомъ въ особенности въ обрусѣлыхъ волостяхъ карельскихъ, они являются по преимуществу кудреватыми, такъ что въ Паданской напримѣръ волости Повѣнецкаго уѣзда, при всемъ томъ, что Паданы были когда-то столицею Кареліи, гораздо чаще встрѣчаются кудрявые, нежели гладковолосые; иначе стоитъ дѣло у Савакотовъ и Ингровъ или Ижорцевъ, гдѣ, напротивъ того, кудреватость является въ качествѣ весьма рѣдкаго исключенія. Волосы на головѣ обыкновенно бываютъ довольно густы и при томъ сохраняютъ очень долго свой цвѣтъ, такъ что сѣдина является весьма поздно — чаще всего въ шестомъ десяткѣ. Растительность на подбородкѣ сравнительно достаточно богата, чѣмъ опять-таки Карела выдѣляется изъ числа своихъ собратьевъ, а нерѣдко можно у нихъ встрѣтить обросшую грудь и руки. Какъ явилось это отклоненіе отъ общаго типа у Карелы — до сихъ поръ еще не извѣстно, хотя и есть нѣкоторыя намеки на давнишнее русское вліяніе. Носомъ однако Карела не отстала отъ своихъ сородичей: и широкъ онъ у нея выдался, хотя и не до безобразія, и курность; встрѣчаются однако и прямые, и орлиные носы, да рѣдко, тогда какъ въ Ингрии у Савакотовъ носъ видимо измѣнилъ отчасти свою форму благодаря громаднымъ ввозамъ инороднаго элемента въ видѣ незаконнорожденныхъ изъ воспитательнаго дома. Интересно, что и у Карелы при сильныхъ душевныхъ аффектахъ ноздри не раздуваются. Толстыя губы вовсе не составляютъ характеристической черты для Карелы, а ротъ представляетъ прямой и красивый прорѣзъ. Зубы чуть ли не всегда превосходны, хотя по большей части и не велики: рѣзцы расположены вертикально; вообще слѣдуетъ замѣтить, что Карела сказалась весьма красивымъ ртомъ, да и такимъ, что за рѣдкость и у красиваго Ярославца. Голова тоже ладно выкроена; лобъ по большей части плоскій, хотя бровныя выпуклости и надпереносная впадина не составляютъ уже рѣзкаго исключенія и попадаютъ даже развитыми до значительной степени. Брови славно снабжены волосами и рас-

положены надъ глазомъ по большей части дугою, такъ что опять диву даешься, какъ это Карелякъ съ виду вышелъ въ Русскаго; брови всегда окрашены потемнѣе волосъ на головѣ, а борода тона на 2 — 3 выдалась поблѣднѣе, хотя и здѣсь рыжебородый въ диковину. Хотя по-видимому и не очень отличается отъ Русскаго Карелякъ, а все же таки выдала его раскосость, такъ какъ внѣшніе углы глазныхъ прорѣзей и у него нѣсколько приподняты, градусовъ на 15 — 20 отъ горизонтали. Лицомъ Карелякъ все еще угловатъ и изрѣдка овально круглолицъ, а уши у него по большей части отогнуты и не велики. Карела узколоба, но обладаетъ весьма открытымъ лицевымъ угломъ, чѣмъ заявляется со стороны своей культурности; уголъ этотъ достигаетъ 70°, такъ что почти сходенъ съ угломъ Великорусса изъ примосковскихъ мѣстъ; по скуластости Карела заявила стоящею между нынѣшними обитателями Финляндіи и ископаемыми черепами древней Води и отъ скулы до скулы у нея пришлось 117 мм.; эта скуластость, видно, на вѣчныя времена останется у нея и по ней можно будетъ всегда признать Урало-алтайца. Карелякъ круглоголовъ, хотя и уступаетъ въ этомъ отношеніи Чуди, и Лопарямъ, и ископаемымъ Финляндцамъ; его головной показатель оказался равнымъ 80,29, что дѣлаетъ его круглоголовѣ Остяка, нынѣшнихъ Финляндцевъ, Эстонцевъ сѣверной Россіи.

Русскій человѣкъ какъ-то не особенно дружелюбно глянулъ на Кареляка, который всюду устроился лучше и хозяйственнѣе его и не въ примѣръ живетъ побогаче и почище; нѣкоторая зависть при взглядѣ на житье-бытье кареляцкое сказалась даже въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ поговоркахъ, которыя сложились среди русскаго населенія Озерной области: «гдѣ русскій сапоги съѣлъ», увѣряетъ Олончанинъ, — «тамъ Карелякъ руки нагрѣлъ» и затѣмъ восклицаетъ: «Кареляку-то не жизнь? Карелякъ, что свѣтлякъ — въ лѣсу живетъ». Да оно и дѣйствительно бросается всякому въ глаза: русскій человѣкъ все норовитъ сѣсть поближе къ озеру и кормится съ грѣхомъ пополамъ отъ рыбнаго промысла, а Карелякъ или устроился на хорошихъ смежныхъ мѣстахъ, или середь лѣса, гдѣ кормится въ избыткѣ охотою и разными лѣсными промыслами.

Жилъе свое Карелякъ устроилъ такъ, что изба образуетъ полный квадратъ, такъ какъ любо ему, чтобы стѣны были ровныя и чтобы и съ виду изба была складная и ладная; вышины въ избѣ довольно и на большую семью; стѣны выведены на 2 1/2 и на 3 сажени, такъ какъ по разнымъ хозяйственнымъ соображеніямъ, а также и въ виду того, что Карелякъ не болѣе православецъ, а скорѣе норовитъ къ двуперстію и безпоповству и слѣдовательно нужны ему прятки отъ начальственнаго и поповскаго глаза, сдѣлалъ онъ подъ всю избу подполье; тутъ хранитъ онъ свою усладу — рѣпный квасокъ, чтобы былъ онъ всегда въ холодкѣ, тутъ же прячетъ онъ и продукты, которые заготовитъ на зиму лютую, на нуждишку свою. Избу свою раздѣлилъ онъ на два отдѣленія, на двѣ горницы; въ одной половинѣ Карелякъ и вся его семья работаютъ, тутъ жена его кушанье готовить, рыбку чистить, замѣсу мѣситъ, дѣтей обмываетъ, а въ зимніе холода и молодикъ отъ скотинки держится въ теплѣ; навидалась эта горница всякаго горя и работы насмотрѣлась вдосталь, тогда какъ чистая горница никогда не увидитъ внутренней семейной жизни Кареляка, также какъ и тотъ, кого Карелякъ не допуститъ въ жилую и покажетъ лишь свою пріемную. Понятное дѣло, что не всякій Карелякъ сможетъ очистить большую избу; иной, поблѣднѣе, не справился и съ такою уже, кажется, не великою роскошью, какова изба о двухъ горницахъ, и живетъ себѣ вѣкъ свой въ одной, которая служитъ и для семьи его, и для пріемовъ; все же такихъ бѣдняковъ мало, благодаря тому, что лѣса здѣсь въволю и есть среди Карелы какое-то врожденное желаніе обстрониться получше и жить не въ свиномъ котухѣ, а будто и въ хоромахъ. Прямо, какъ войдешь въ избу, такъ направо придется большая печь, а вокругъ всей горницы тянутся лавка и полки; лавка очень широка, такъ что спать на ней можно весьма удобно, и содержится чисто, такъ какъ хозяйка непремѣнно уже хотя разъ въ недѣлю да соскребеть и ее ножомъ и помоемъ; гдѣнибудь въ

уголку, такъ чтобы мѣсто было поукомпью, приладила хозяйка свой шкафикъ — посудникъ, а то и запросто двѣ три открытыя полочки подъ посуду; посуда тутъ не хитрая, а только всегда чистая и моется, видимо, не въ великіе лишь праздники, а тотчасъ по употребленіи. Въ переднемъ углу повѣшенъ кіотъ или тябло, съ старописными по большей части въ настоящей Карелѣ иконами, а вокругъ тябла поразвѣшены разныя картинки апокрифическаго содержанія, очень цѣнимыя и Русскимъ, и Карелякомъ; можно здѣсь встрѣтить и «древо благочестно», гдѣ весь родъ князей Мышецкихъ изображенъ въ видѣ родословнаго дерева, а Мышецкіе князья дали нашей безпоповщинѣ, къ которой то тайно, то явно тянетъ Карела, главныхъ руководителей и наставниковъ; попадаетъ тутъ и птица Сиринь, и борьба души со смертію, и страшный судъ, и все это писано въ Лексинскомъ женскомъ безпоповщинскомъ монастырѣ въ Повѣнецкомъ уѣздѣ; подъ тябломъ, коли не боится хозяинъ гостя и не успѣлъ онъ заблаговременно припрятать опасную вещь, можно увидать «дымило» съ ручкою, безъ которой безпоповщинецъ и молиться не станетъ. По срединѣ горницы стоитъ обыкновенно столъ, а въ немъ сдѣланъ ящичекъ — было бы куда убрать и ложки, и ножи, и дорогую соль. Сѣни въ жильѣ карелякомъ всегда холодныя, а крылечко придѣлано къ нимъ съ боку; на устройство перилъ особаго побыта нѣтъ и все зависитъ отъ зажиточности хозяина и расположенія его ко внѣшней красотѣ дома. Хотя и не отличается Карелякъ особеннымъ богатствомъ, но тѣмъ не менѣе завился онъ чрезвычайно домовитымъ; всю хозяйственную постройку свою помѣстилъ онъ такъ, чтобы была она у него подъ рукою и не приходилось ему или женѣ его много времени тратить на побѣгушки, въ которыхъ у насъ на Руси столько проходитъ дорогаго времечка; тутъ же за сѣнями приспособленъ у него сѣноваль, а подъ бревенчатымъ поломъ этого сѣновала, въ которомъ для удобства свалки корма сдѣланы прорѣзы, помѣщается скотный дворъ или поскотница; прорѣзы устроены такъ, что приходится какъ разъ надъ яслями, а то не равно кормъ попадетъ на землю и скотина безъ пути потопчетъ его. Въ сѣнцахъ устроена особая клѣтушка или горенка для храненія разнаго скарба и хлама, гдѣ хозяйкой является уже мать семейства и хозяинъ вовсе не вступаетъ въ эти дѣла, такъ какъ ему и безъ того дѣла довольно. Видно, вдостоль наболѣли глаза карельскіе, что отстала Карела отъ курныхъ избъ, которыхъ почти и не встрѣтишь въ карельскихъ мѣстахъ, развѣ уже какой нибудь бѣдняга не сталъ убытчиться на кирпичъ и на известь. Двора у Кареляка нѣтъ и въ поминѣ, да, признаться, онъ ему и не къ пути при маломъ количествѣ скотины и при тѣхъ холодахъ, что стоятъ иногда въ Озерной области; научила его зимушка лютая грѣть скотину въ со всѣхъ сторонъ защищенныхъ застраяхъ, а не въ варкахъ, какъ повелось это у русскаго человѣка, который все удивляется, что корова у него поздно телится, а овца ягнится, а того не пойметъ, что надо скотинку въ теплѣ держать. Дорого достается Кареляку стекло, а потому и не подсилу ему наладить хорошее окно; богачъ, конечно, у себя окна стекляныя понадѣлалъ, а бѣднякъ не побрезгалъ и бычачьимъ пузыремъ. Окна по большей части дѣлаютъ не велики, чтобы по своей же охотѣ холоду въ избу зимою не пускать, да еще именно вслѣдствіе зимней стужи надумалъ Карелякъ жить зимою чуть не кротомъ: какъ только первый морозъ хорошій захватилъ тихія ламбы (плесы), такъ Карелякъ и за работу; заколачиваетъ досками свои окна до самыхъ верхнихъ стеколъ, только бы чуть-чуть свѣтъ проходилъ, да не очень уже въ избѣ днемъ темно было, и сидитъ всю зиму въ полутемнотѣ — благо ему не кружева плести, не рисунки выводить фигурные. Да не въ одномъ этомъ примѣчается та борьба, которую ведетъ Карелякъ съ морозомъ, а и въ другихъ его мѣропріятіяхъ: избу свою онъ на зиму всегда съизнова конопатитъ то мохомъ, то паклею, смотря по своимъ достаткамъ, и смазываетъ ее по пазамъ глиною или въ иныхъ мѣстахъ и толченымъ мраморомъ съ навозомъ. Карелякъ покрылъ хату свою тесомъ и пожалуй не на шутку удивится, если рассказать ему, что въ скотскую безкормицу русскій человѣкъ умудрился отъ голода скотину спасать, скармливая ему со своей же избы крышу. По инымъ мѣстамъ, хотя бы напримѣръ въ Новгородчинѣ и Валдайщинѣ, устроился Карелякъ нѣсколько иначе, хотя и

Близъ Корелской деревни въ новгородской губернии.

его хата значительно подходит къ той, что описана выше; здѣсь и потеплѣе, и попривольнѣе, а потому ему и приходится меньше прятаться отъ мороза; тутъ и погода другая, и житье тоже по иному идетъ; хоть и не прочь Карелякъ новгородскій полѣсовничать, да негдѣ, и приходится ему всѣ силы свои направлять на земледѣліе. Все же жилье свое налаживаетъ онъ поближе къ рѣчкѣ да къ лѣсочку, а какъ пришлось ему поневолѣ отстать отъ бродячей жизни и, напротивъ, прикрѣпиться къ землѣ, такъ явилось поневолѣ и желаніе уберечь свои посѣвы отъ ухажаго звѣря и блудливой скотины, и огородилъ онъ деревни свои тыномъ.

Врядъ ли перенялъ Карелякъ у русскаго сосѣда свою охоту къ мытью и паренью, и по всѣмъ вѣроятіямъ охота эта прирожденная: въ силу этого всякій хозяинъ, сколько нибудь достаточный, непременно ставитъ саженьхъ въ 20—30 отъ своей избы небольшую баньку для своего обихода; не поймутъ вотъ только Кареляки, какъ это можно въ печь залѣзать париться, гдѣ кирпичемъ убить можетъ и задохнуться не долго, если прогнѣвить чѣмъ нибудь баенника, а его прогнѣвить не долго и не хитро, если не знать, что его постоянно ублажать надо.

Вѣроятно, въ стародавнія времена оболочка карельская отличалась отъ русской во многомъ, но чтобы она отличалась отъ послѣдней въ значительной степени, это врядъ ли такъ когда нибудь было, такъ какъ совершенно однѣ и тѣ же причины обусловливали ея составъ и даже покрій; была можетъ кое-какая разнища въ излюбленномъ цвѣтѣ, въ украшеніяхъ и прикрасахъ, но приходилось надѣвать все тотъ же длинный тулупъ, то суконный, то мѣховой. Верхняя овчинная одежда кроится у Кареляка всегда въ видѣ полушубка, т. е., другими словами, пускается покороче для того, чтобы какъ можно меньше мѣшала на работѣ; но Карелякъ не стыдится подъ этотъ полушубокъ надѣть суконный оленій армякъ,

такъ какъ пришла къ нему по сердцу русская поговорка, будто «паръ костей не ломитъ». Шапка у него либо баранья, либо суконная изъ оленьей же шерсти желтоватаго отгѣнка, и притомъ напяливаетъ онъ ее и на уши и на лобъ; не сошьетъ себѣ Карелякъ бѣличьей шапки, такъ какъ русская повадка и здѣсь сильна, и всячески норовитъ онъ все, что получше, въ люди продать, а себѣ похуже оставить. Рукавицы у него всегда съ варегами вязаными, причемъ покупаютъ ихъ либо въ городахъ, либо на большихъ ярмаркахъ, и везутъ ихъ съ Волги. Если къ этому прибавить сапоги высокіе изъ бѣлой, высмоленной кожи, которые по мѣстному убѣжденію никогда не промокаютъ, суконныя онучи да высокія валенки, такъ костюмъ Кареляка будетъ полонъ и притомъ тотъ именно костюмъ, что измышленъ имъ отъ холода и зимы студеной. Ясное дѣло, что, держа въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оленей, а главное получая ихъ по дешевой цѣнѣ изъ Кемскаго уѣзда, могъ Карелякъ одѣться и въ оленьи шкуры и наладить себѣ костюмъ на манеръ поморскій; но все же такой костюмъ не преимущественно карельскій и перенятъ у Поморовъ цѣликомъ. Даже и сама Карелячка, принадлежащая къ тому полу, который всегда и всѣми былъ признаваемъ за блюстителя національности, въ этническихъ ли, или костюмныхъ чертахъ, даже и она поддалась вполнѣ чужому вліянію: только сравнительная бѣлоглазость да юпчонка какая-то, будто не совсѣмъ русская, выдаютъ въ ней Урало-алтайку, а иначе и по облику, и по оболочкѣ не

Савакоты.

отличить ее издали отъ нашей русской женщины, если взять послѣднюю изъ тѣхъ нашихъ губерній, гдѣ народъ живетъ поголоднѣе. Карелячка носитъ холщевую сорочку съ длинными и узкими рукавами, юбку, по преимуществу синяго цвѣта, а сверху надѣваетъ нашъ русскій сарафанъ, изукрашенный металлическими пуговками на безпоповскій манеръ; банниковъ женщины почти не носятъ вовсе, а облюбили болѣе длинные мужскіе сапоги изъ бѣлой, вымоленной кожи, такъ какъ зачастую работать приходится то въ болотѣ, а то и запросто въ водѣ: голову Карелячки не повязываютъ, а просто лишь накрываютъ платкомъ, двумя — сколько ихъ найдется у нихъ въ сундукѣ. Лѣтомъ костюмъ конечно нѣсколько измѣняется, но вовсе уже не такъ значительно. Мужикъ надѣваетъ тогда такъ называемую «нонитку» или полукафтанъ, а голову покрываетъ низкою поярковою шляпою, а то такъ и оленья суконная сослужитъ заодно и лѣто и зиму; на ногахъ у него все тѣ же бѣлые сапоги, которыхъ одна Кимра изготовляетъ въ годъ на 200 т. рублей и отправляетъ въ Шунгу, на ярмарку; лаптей и вовсе не увидишь въ Карельской сторонѣ. Въ праздникъ, коли выйти въ большомъ карельско мѣ селѣ на улицу, такъ подумаешь, что попалъ въ какой нибудь фабричный городъ, такъ какъ Карелякъ щеголяетъ тутъ въ красной рубахѣ и фабричной фуражкѣ, а Карелячка гуляетъ въ шерстяномъ сарафанѣ, высокихъ чулкахъ и бѣлыхъ сапогахъ; въ особенности интересно, что по костюму можно легко отличить холостаго Кареляка отъ женатаго; дѣло въ томъ, что холостые парни, по давно заведенному и непозабытому еще обычаю, выставляютъ надъ голенищемъ на показъ пальца на 2 — 3 ободокъ чулка, искусно связанный изъ разныхъ шерстей то шашечками, то въ клѣточку, а то и съ хвостиками и крестами. Щеголеватѣе всего одѣваются въ былой столицѣ Карелии, въ Паданахъ, стоящихъ на Сегозерѣ — одномъ изъ самыхъ богатыхъ селъ карельскихъ, вслѣдствіе обилія рыбы, угодьевъ и положенія на сплавномъ пути.

Питается Карелякъ хотя и не вовсе роскошно, но все же не въ примѣръ лучше нашего крестьянина, такъ какъ сама природа достаточно надѣлила Кареляка и рыбою, и пищею, и звѣремъ всякимъ; но въ поискахъ своихъ за лишнею копѣйкою, онъ охотнѣе продаетъ скупищику все, что получше, а на свой обиходъ оставляетъ лишь худшее. Хлѣбъ у Кареляка почти весь покупной; своего и на мѣсяцъ не хватаетъ и только развѣ новгородскій Карелякъ да итербургскій Ижорецъ и Савакотъ посчастлививше тѣмъ, что могутъ рассчитывать мѣсяца три просуществовать на своемъ, непокупномъ, но куда какъ дорогомъ по массѣ потраченного труда хлѣбѣ; благодаря этому обстоятельству, однимъ изъ главныхъ расходовъ для Кареляка представляется покупка муки, которой требуется много, хотя онъ вообще и не особенно охотно живетъ много тягольными семьями и падохъ на дѣлежки. Овса однако все же родится больше, нежели ржи, а потому и привыкла Карелячка печь хлѣбъ пополамъ изъ ржаной и овсяной муки; даже и слово особое подобралъ Карелякъ въ своемъ языкѣ для своего половинчатого хлѣба и называетъ его «коккой» или по нашему овсяникомъ. Кое-когда наварить хозяйка похлебки изъ сушеной мелкой рыбы и похлебка эта носитъ громкое названіе шей, хотя въ ней нѣтъ ни листочка капусты, къ этому супу она непременно присоединитъ пареной или печеной рѣпы, покрошитъ картофеля, на праздникъ прибавитъ хозяйка къ этой снѣди соленыхъ окуней или плотвы — вотъ и весь обѣдъ кареляцкій. Понятное дѣло, что если ненарокомъ держать хозяинъ оленей, или вообще осенью, когда набьетъ отецъ дичи, или сынишка какъ нибудь утку подкараулить, ѣсть Карела и мясо, да только рѣдко такіе дни выдаются, такъ какъ отецъ лучше не доѣстъ съ семьей, а сладкій кусокъ все же таки обратитъ въ деньги. Рыбу ѣсть вся Карела охотнѣе вареную, нежели жареную и при томъ тщательно стараются чешуи не снимать и увѣряютъ, что въ такомъ видѣ она много вкуснѣе и больше даетъ навару; развѣ уже выпросишь изжарить рыбу, а то подавать будутъ непременно вареную, такъ какъ даже смѣются надъ тѣми, кто ѣсть жареную рыбу, увѣряя, что это равняется сыроястию. Одною изъ любимѣйшихъ снѣдей Кареляка слѣдуетъ несомнѣнно признать вствороженное молоко и рѣпу, наиболѣе употре-

бительною, — окуневую и другую малую и рыбешку, а любимѣйшимъ и единственнымъ поиломъ — рѣпный квасъ. Картофель сѣютъ олонецкіе Карелы рѣдко, да къ тому же и рѣдко онъ урожанстъ бываетъ, а больше все пропадаетъ отъ раннихъ утренниковъ въ іюлѣ мѣсяцѣ; напротивъ того, новгородская Карела, а также и петербургскіе Савакоты и Ижорцы охотно и помногу сѣять картофель, который въ ихъ мѣстахъ прекрасно родится и представляетъ для нихъ прекрасное подспорье въ смыслѣ ѣды и столованья; тамъ инныя деревни только и дышатъ картофелемъ, который везутъ въ Петербургъ или же продаютъ его скупщикамъ, изъ колонистовъ, выдающимъ ихъ за свое собственное, очень цѣнное столичными жителями произведеніе.

Ѣсть Карелякъ и три и четыре раза въ день, смотря по тому, что онъ дѣлаетъ; такъ на примѣръ, если онъ полѣсуетъ, такъ тутъ некогда объ ѣдѣ думать и благо разъ-то поѣсть достанется, такъ и то ладно, а когда онъ подлѣ дома копошится, то и четыре онъ раза поѣстъ въ день: коли выѣдетъ Карелякъ на тоню, такъ и Ѣсть уху чуть ему выдается свободная минута, не разбирая, сколько ему разъ въ день поѣсть придется. Пьетъ онъ умеренно, хотя и потчуютъ его съ Руси сивухою, а со стороны сосѣдней Финляндіи — картофельно-моховою отравою: только Савакотъ да Ижорецъ пьетъ чуть ли не поисправнѣ всякаго Русскаго, такъ что приходится даже народу сосѣднему говорить про иьяницъ: «напили, какъ чухонецъ». Въ пріонежскихъ, сегозерскихъ и дальнихъ карельскихъ волостяхъ народъ пьетъ гораздо меньше уже потому, что почти сплошь вся эта Карела попала въ безпоповщину, а слѣдовательно и не падка въ силу твердаго убѣжденія на водку.

Сильно и почти постоянно долженъ работать Карелякъ для того, чтобы прожить какъ нибудь свою жизнь; вышелъ онъ коренастъ и силенъ, а потому ему и не на пагубу трудная работа, продолжающаяся всю жизнь; только подстоличныя Карелы (Савакоты и Ижора) не несутъ тяжкихъ трудовъ, а пробавляются больше возкою въ городъ молока, сливокъ и яицъ; напротивъ того, сѣверный Карелякъ и лѣсъ рубить, и рыбу ловить, и полѣсуетъ, и разъ по восьми пашетъ землю, добытую имъ на огнищѣ, тщательно ее выбораниваетъ; косить сѣно зачастую вереть за двадцать отъ роднаго села и въ концѣ концовъ, послѣ трудового, тяжелаго года выручить этимъ почти непосильнымъ трудомъ ровно столько, сколько едва можетъ хватить на то, чтобы съ грѣхомъ пополамъ прокормить семью. Прежде всего конечно въ страдную пору наступаетъ время сѣнокоса; уже 24 іюня, а то и за всю недѣлю до Петрова дня покидаетъ Карелякъ свой домъ со всею семьею, забираетъ косы и горбуши и переселяется на лодкѣ либо внизъ, либо вверхъ по рѣкѣ на свои покосы, расположенные пятка на 3 и даже на 4 верстѣ отъ его жилища, а койкеницкіе крестьяне еще недавно косили за 60 верстѣ отъ своего села. Сѣнокосъ и у насъ на Руси время веселья, огульной ѣды яичницъ и куръ и ухаживанья; то же самое можно наблюдать и у Карелы, съ тою лишь разницею, что тутъ цѣлымъ селомъ на покосъ не выѣзжаютъ по той уже простой причинѣ, что зачастую карельскія деревни состоятъ всего изъ одного двора и изъ одной семьи. Не успѣешь оглянуться, какъ дѣло близится уже къ Успеньеву дню, и значитъ пора налаживать лодку на обратный путь, такъ какъ настаетъ время собирать всякую штуку, пригодную для полѣсованія, и отправляться на добычу вплоть до середины октября, а коли есть охота, да нѣтъ удачи, такъ и до ноября. Въ самое послѣднее время своимъ умомъ дошелъ Карелякъ до такой ухватки, которую нигдѣ еще русскій человѣкъ не осилилъ; видѣлъ онъ давно, что выдалась подлѣ его деревни болотина жирная, которую затянуло грязью и ржавчиной. Карелякъ порѣшилъ, что воду можно согнать, а что грязь только дѣлу доброму поможетъ, да не по силамъ было ему одному за такое дѣло взяться и задумали они въ силу этого невиданное до селѣ никѣмъ дѣло: стали по три и по четыре хозяина дѣло дѣлать сообща, осушали болотину за болотиной, сѣяли на ней уже не рѣпу, а прямо таки рожь и родилась она у нихъ безъ навоза самъ-пятнадцать. Кареляки повторили снова и снова свой опытъ и снова достигли тѣхъ

же блестящихъ результатовъ. Пошла въ ходъ артельная осушка; сталъ къ этой мудреной штукѣ приглядываться и русскій крестьянинъ — безпоповецъ, перенялъ хитрую выдумку бѣлоглазой Чуди, а теперь не нарадуется, увѣряя, что «се Господь умудряетъ младенцевъ». Не одною землею и полѣсованіемъ живетъ и кормится Карелякъ, а ходитъ въ отхожіе промыслы; то уйдетъ онъ зимою на вывозку бревенъ изъ лѣса къ ручьямъ и рѣчкамъ, а весною отправляется на выгонку тѣхъ же бревенъ къ лѣсопильнымъ заводамъ или же въ большія озера, гдѣ уже ихъ вяжутъ въ кошели и плоты и ведутъ пароходами дальше къ Пе-

Часовня близъ Евгоры на Сегозерѣ.

тербургу. Питается Карелякъ и отъ рыболовства и ловить рыбу то своимъ собственнымъ неводомъ, а то сходится еще съ нѣсколькими домохозяевами, строятъ на общій съ ними коштъ неводъ, рыбачить артелью и затѣмъ всю добычу дѣлитъ по числу участковъ, да одну лишнюю долю откладываютъ на церковь, на «Миколу многомилостиваго». Тоже вѣдь неводъ наладить дѣло не легкое и денегъ на него идетъ цѣлая уйма; требуется для него однѣхъ веревокъ 350 сажень, что при самыхъ дешевыхъ изъ нихъ становится рублей въ пятнадцать, да льна чесанаго купить надо на 35 р., да за выпрядку его отдать надо 8 р., да за все плетенье — не меньше 12 р., да за матку особо — 6 рублей, такъ что, какъ посчитаешь, то и выйдетъ, что добрый озерный неводъ становится въ 75 руб., безъ всякихъ приспособленій, которыя въ свою очередь тоже денегъ стоятъ. Такимъ неводомъ наловить артель въ иное время, когда заладится удача, пудовъ до 60 рыбы, которую продаетъ рублей за 95 — 100, т. е. сразу окупить стоимость снасти, а въ слѣдующіе затѣмъ ловы станетъ уже промышлять въ чистый барышъ. Не однимъ однако озернымъ неводомъ ловить Карелякъ рыбу и не брезгаетъ также мережами, крючьями и переметами; на эти не мудрые снаряды идетъ «хаукка» (щука), что бываетъ разныхъ сортовъ и вытягиваетъ отъ $\frac{1}{2}$ до 30 фунтовъ и стоитъ за фунтъ гдѣ 4, а гдѣ и 6 коп.; попадаетъ и «аввень» (окунь), «лигна» (лещь), «савну» (язь), «кишкой» (ершъ), «сярги»

(плотва), «солатти» (салака), а изрѣдка попадется и «митикка» (минога), которой залеживаться не даютъ, а откладываютъ въ сторону, такъ какъ скупщикъ охотно даетъ за нее по 6 к. за фунтъ, свезетъ въ Питеръ и продаетъ тамъ за настоящую рижскую миногу.

Только съ перваго взгляда лѣса Озерной области представляются пустынею, но какъ походишь по нимъ, то увидишь, что они кишатъ звѣрьемъ всякимъ и дичью; могъ бы Карелякъ питаться мясомъ вволю, да судьба наслала и въ его сельбища скупщиковъ съ деньгами, которыя слаще для Кареляка, нежели сытная пища; и здѣсь сталъ онъ добывать насущный хлѣбъ свой изъ вторыхъ рукъ, изъ-подъ чужаго, пришлоу ума. Скупщикъ, какъ и вездѣ по Озерщинѣ, задастъ Кареляку впередъ рублей 50 денегъ, зная навѣрное, что, если пропадаютъ деньги иногда за банками разными, то за Карелякомъ не пропадутъ и что наживеши отъ него, отъ простаго человѣка, рубль на рубль. Лишь только вернется полѣсовщикъ почти изъ трехмѣсячнаго промысла своего, какъ подвернется къ нему скупщикъ или же прикащикъ его и тотчасъ назначаетъ цѣну всякому сорту дичи; тутъ нехитрое дѣло услышать, что пара рябчиковъ цѣнится въ 10 — 12 к., а за пару тетеревовъ даютъ 15 — 20 коп. Ясное дѣло, что никто полѣсовщика неволить не станетъ, самъ прикащикъ посовѣтуетъ ему попридержаться съ дичью и подождать обозначенія цѣны; но сколько ни жди — толку изъ этого жданья въ большей части случаевъ не выходитъ никакого, такъ какъ, понятно, все скупщики между собою давно въ цѣнахъ сговорились и никто изъ нихъ не перебьетъ цѣны и не сдѣлаетъ надбавки; какъ ни вертись, сколько ни жди, а продать придется все по той же цѣнѣ, да еще пожалуй съ подожданьемъ и впросакъ попадешь, такъ какъ скупщикъ начнетъ товаръ хулить и увѣрять, что онъ успѣлъ уже тронуться, и сбавитъ еще цѣну. Не всегда скупщикъ чистыми деньгами платитъ, а напротивъ того норовитъ за товаръ товаромъ отдать и вѣчно набивается съ порохомъ, пулями и т. п. Въ этомъ случаѣ пара рябчиковъ у Кареляка сойдетъ и за 5 к., такъ какъ фунтъ пороху идетъ въ пяти четвертакахъ, а фунтъ пулекъ въ шести гривнахъ. Не безъ ума надо быть, чтобы дичь уложить въ дальнѣйшій путь, а то привезешь въ Питеръ труху одну вмѣсто дичи; класть ее надо въ коробки и притомъ такъ, что наложить рядокъ дичи, а поверхъ ея настелютъ рядокъ соломы, а черезъ два или три такихъ ряда продернуть черезъ весь коробъ палки, чтобы птица не слеживалась и не мялась; что ни сто паръ, то подвода новая, за которую хоть и не очень широко платятъ скупщики, а все не меньше 10 р. дадутъ, такъ что расходъ этотъ на каждую пару ляжетъ цѣлыми десяти копейками; если затѣмъ поставить въ счетъ свои харчи въ дорогѣ, да въ Питерѣ, да коневѣй прокормъ, то подвода и станетъ въ 21 рубль, а каждая пара самому обойдется въ 31 — 33 коп.; все это такъ будетъ, если не принимать въ расчетъ, что петербургскіе купцы съ своей стороны подтянуть захотятъ, а такъ какъ невиданное дѣло, чтобы съ ихъ стороны не было прижимки, то на повѣрку и выходитъ, что не стать «бѣлоглазому» самому торговаться, а не въ примѣръ сносности и лучше продать на мѣстѣ дичь скупщику, а тамъ вези

Ижорцы около Нарвы.

онъ, какъ знаетъ. Въ силу этихъ-то соображеній, при громадномъ богатствѣ дичи и питается Карелякъ отъ крохъ, падающихъ со стола скупщиковъ.

Если спросить Кареляка, какой онъ вѣры, то услышишь въ отвѣтъ, что за просто русской. Расколъ безпоповства, устроивши свой главный пріютъ чуть ли не въ самомъ центрѣ Карельской земли, не могъ не вліять на Кареляковъ въ значительной степени; въ концѣ концовъ оказалось, что олонецкая Карела, да и часть новгородской заявила «нѣтчиками» у Св. причастія, т. е. другими словами оказалась принадлежащею къ безпоповщинѣ поморскаго согласія; по всей Карелии не встрѣтишь даже и на православныхъ церквахъ шестиконечнаго иконового креста, а въ глухихъ мѣстахъ то и дѣло попадаются часовни бывшихъ скитовъ раскольниковъ, отчасти разрушенныхъ, а отчасти и до сихъ поръ еще не покинутыхъ доживающими въ нихъ свой вѣкъ отшельниками. Но ни новая Никонова вѣра, ни старинная князей Мышецкихъ не спасаютъ Карелянина отъ вѣчнаго, исконнаго недолюбника человѣческаго, который въ теченіе всей жизни человѣческой строитъ человѣку всякія каверзы, не даетъ покоя, доживая въ качествѣ «кегно» или чорта свой вѣкъ, послѣ того какъ Карела перестала признавать въ немъ бога. Кабы кегно еще одинъ былъ, такъ тогда бы испола горя, а въ томъ-то и бѣда, что ихъ милліоны, и нѣтъ такой вещи или такого мѣста, гдѣ не жилъ бы свой собственный кегно, которому дѣлать-то нечего и одна думушка — каверзничать. Вотъ вѣдь, кажется, на что уже простое дѣло жить себѣ тихо да смирно въ своемъ домѣ, а тоже, если не поладишь съ «кутненъ-кегно», или попросту съ домовымъ, такъ лучше и на свѣтъ Божій не родиться; ухитрится онъ такъ пристать, душить станетъ по ночамъ. Иной русскій человѣкъ, пожалуй, въ невѣдѣніи своемъ подумаетъ, что лоиладъ такъ, безъ всякой причины заболѣла, а Кареляка не такъ-то легко надуть: онъ отлично знаетъ, что тутъ не обошлось дѣло безъ кегно и что это кегно ее ударило, не влюбивши за что нибудь ее или ея хозяина. Опять тоже часто русскіе и притомъ въ особенности городскіе и чиновные люди толкуютъ, будто падучая — не что иное, какъ простая болѣзнь, но Карелякъ знаетъ, что это старый баловникъ кегно забрался въ человѣка, спасаясь отъ гнѣва Божія и надѣясь, что Богъ не убьетъ его, сидящаго въ любимомъ Божіемъ твореніи. Тифъ схватитъ Карелякъ, и опять таки всѣ домашніе увѣрены, что это кегно въ немъ поселился; сведутъ его въ баню и жарятъ его тамъ до такой степени, что кожа съ больнаго сходить станетъ: бываетъ, что кегно не вынесетъ жару и выйдетъ изъ больнаго, а чаще всего такъ случается, что старый разсердится и передъ выходомъ убьетъ тифознаго. Вотъ оспа не отъ кегно наслана, а сама по себѣ. Прививать оспу Карелякъ никакъ не хочетъ, да еслибы и прививалъ, такъ все же таки при своемъ отношеніи къ этой лютой болѣзни не освободился бы отъ зараженія; оспа является въ понятіи Карелы какимъ-то самостоятельнымъ миѳическимъ лицомъ, и народъ не иначе ее называетъ, какъ «Марья Ивановна желанная» или «Осница матушка». Когда приключится у кого нибудь оспа, то вся деревня отъ мала до велика собираетъ, кто во что гораздъ, разные дары и отправляется въ зараженный домъ. «Здравствуй, Марья Ивановна!» говорятъ съ низкими поклонами пришедшіе, — «здравствуй на многія лѣта! Благодарствуй, что посетила насъ, покорныхъ рабовъ твоихъ! не будь ты намъ злою мачихою, будь родною матерью! Ты лики-то порти, да въ гробы не клади! не побрезгай дарами нашими!» Все это сопровождается конечно учащенными поклонами, и дары подносятся больному, который по изстари установившемуся обычаю долженъ всего отвѣдать: и рыбника, и водочки. Затѣмъ дары съѣдаются пришедшими и сродниками больнаго, а самого оспеннаго ведутъ въ страшно натопленную баню, гдѣ и «выпариваютъ» оспу жаромъ въ 90°. Иной отъ такого леченія выздоравливаетъ, а большинство, конечно, умираетъ, и на Каличыхъ Островахъ въ 1873 году изъ 39 душъ населенія умерло 19, благодаря такому отношенію народа къ страшной гостьѣ. Вотъ тоже есть такіе люди, что смѣются, а уже на что вѣрная примѣта, чтобы, когда отелится корова или начнется посѣвъ, не отдавать ничего изъ дому, такъ какъ вмѣстѣ съ отданною вещью легко отдать и счастье; не годится тоже въ это время полы мыть и лавки, а то неравно вмѣстѣ съ

грязною водою выльешь и задачу; придетъ ежели сосѣдка вечеромъ, особенно послѣ заката солнечнаго, да попросить молока, такъ давать отнюдь не слѣдуетъ, такъ какъ, если иная хозяйка и разжалобится, то у нея коровы перестанутъ давать молоко. На всякое дѣло требуется знаніе обычаевъ, установленныхъ умными, старыми людьми, а безъ этого знанія пропадешь на свѣтѣ пропадомъ. Конечно иная неопытная бабенка легко можетъ веретено объ Пасху на столъ положить, да не годится такъ дѣлать, такъ какъ змѣй будетъ у нея съ той поры коровъ доить; или подастъ въ ту же Пасху какойнибудь неразумный человѣкъ милостыню — оно будто и ничего, а на самомъ дѣлѣ бѣдовое дѣло, и послѣ такого неосторожнаго поступка въ томъ домѣ все будетъ мимо рукъ идти, ни въ чемъ не будетъ прибытка, а все уплывать будетъ, какъ вода. На Купалу, какъ и вездѣ, и дѣвкамъ, и бабамъ, и парнямъ великая забота; купальскіе дни великіе дни! бабы должны идти на рѣку или на озеро ближнее мыть створцы и мѣдную посуду, такъ какъ если въ купальской водѣ ихъ помыть, то и кушанье будетъ цѣлый годъ на пользу и болѣзнь не завернетъ въ избу; дѣвкамъ тоже полагается на воду идти, такъ какъ и имъ надо купальскою водою помыться: помоются онѣ въ рѣкѣ, и понесетъ она объ нихъ добрую славу по свѣту, услышатъ ея похвалу женихи, что по изстари же заведенному обычаю ходятъ на Купалу къ рѣкамъ прислушиваться къ лепету волнъ, и пріѣдутъ за тѣхъ дѣвушекъ свататься. Хорошо тому жить, кто всѣ примѣты знаетъ, да гдѣ ихъ всѣ знать! знаютъ ихъ только развѣ «найбать» (колдуны), «тѣтѣйэть» (знахари) и «нэкіэть» (провидцы), а они своего знанія тоже всякому не передадутъ и не предупредятъ человѣка отъ бѣды. Вотъ хотя бы въ дорогѣ свинью встрѣтить — счастье, барышъ, а повстрѣчай на дорогѣ, самое ужъ вѣрное изъ всѣхъ животное, собаку или бабу какую, хотя бы даже собственную жену, которая конечно уже худа мужу не пожелаетъ, — воротись лучше домой, если за какимънибудь дѣломъ, такъ какъ удачи ни въ чемъ не будетъ, а напротивъ того еще какаянибудь бѣда стрясется. Кому первому изъ семьи приведется весною увидеть желанную залетную гостью — ласточку, тому подобаетъ тотчасъ умыться, и цѣлый годъ душа его будетъ также чиста, какъ эта безобидная птичка. Выѣхалъ Карелякъ на рыбную ловлю — первый уловъ самому съѣсть нельзя, а весь цѣликомъ продать, хотя бы покупатель давалъ за полупудовую палю грошъ мѣдный; попробуй не сдѣлать этого, попробуй хоть одну штуку салатты даромъ отдать — бѣда будетъ великая и придется домой ни съ чѣмъ возвращаться. Настало тепло послѣ Купалы — только бы купаться! а добрые люди не совѣтуютъ, такъ какъ между Купалой и Петропавломъ водяной чудачить, справляетъ свою свадьбу и скрываетъ отъ людей свои пиршества и безобразія зеленымъ сукровомъ, а глупые люди толкуютъ, будто это вода цвѣтетъ! разорветъ сукровъ купающійся, разсердится водяной, да и уволочетъ смѣльчака въ свое царство — и поминай его какъ звали. Вотъ въ Егорьевъ день искупаться хорошо для человѣка, да и то не въ рѣкѣ, а въ ручьѣ и притомъ въ такомъ ручьѣ, что течетъ съ юга на сѣверъ. Коли хочетъ хозяинъ, чтобы скотъ у него водился и не падалъ, стоитъ только сороку убить да повѣсить ее надъ дверями: кегно страхъ какъ не любить эту птицу — она все его передразниваетъ. А пусть-ка ктонибудь попробуетъ кошку помучить! не сладко ему придется отъ кегно; кошка приходится кегно другомъ и когда она мурлычитъ, то это она ему про людей рассказываетъ, сплетничаетъ; конечно, иной и не повѣритъ, а попробуй ка кошку въ темный уголокъ увести да приласкай ее противъ шерсти — то и дѣло будутъ искры сыпаться изъ глазъ кегно отъ злобы; поймай искорку да спрячь ее за пазуху, поближе ко кресту — и обратится она въ золото. Коли вздумаетъ Карелякъ сходить въ баню, попариться, такъ прямо съ прихода возьметъ новый, ни разу еще не употреблявшійся вѣникъ, положить его на лавочку, нальетъ въ шайку горячей и холодной воды, такъ какъ долженъ онъ непременно позаботиться о хозяинѣ-банникѣ, который запаритъ человѣка, коли послѣдній его чѣмънибудь не уважитъ и безъ этой ухватки станетъ мыться. Когда помретъ ктонибудь въ домѣ, то на оконце непременно для обмывки души слѣдуетъ поставить чашку съ водою и къ краямъ чашки лучинку положить — было бы по чему душѣ въ чашку взо-

браться; когда выносить стануть покойника, то не худо набрать въ платокъ или хотъ въ карманъ камешковъ, да и понакидать ихъ въ могилу, чтобы покойнику труднѣе было изъ земли выйти, а вернувшись домой послѣ похоронъ, слѣдуетъ, ставши посрединѣ горницы, изъ всей мочи камешки швырять въ углы, чтобы выгнать покойника, если онъ вздумалъ уже на мученье оставшимся въ живыхъ выйти изъ могилы. Иной неразумный человѣкъ, похоронивши сродника, тотчасъ и за ѣду примется, такъ это тоже и грѣхъ великій и бѣдовое дѣло! прежде подобаесть очиститься, дотронувшись ладонями до печи. При рожденьѣ тоже не безъ примѣтъ и не безъ особыхъ обычаевъ; первымъ дѣломъ, какъ только въ домѣ родится ребенокъ, такъ больше уже дровъ и воды въ ту горницу не вносятъ, такъ какъ иначе зубовъ ребенокъ не сдѣлаеъ и водянка у него непременно приключится; хорошо также положить при родахъ у самаго порога камень, такъ какъ отъ этого ребенокъ крѣпче становится и скорѣе ходить научится. Отъ всякой пропажи у Кареляка тоже есть средство и притомъ весьма вѣрное: коли пропадетъ какая нибудь вещь, такъ слѣдуетъ взять съ какой нибудь могилы земли и побрасывать ее пепломъ людьми: виноватый не выдержитъ такого испытанія и выдастъ себя смущеніемъ; коли пропадетъ животное, такъ стоитъ только взять кусокъ забытаго въ печи хлѣба, помянуть животное передъ образами, снести кусочекъ въ хлѣвъ — и скотина найдется. На что уже, кажется, трудное дѣло унять кровь изъ раны или изъ носу, но Карелякъ и передъ этимъ не остановится: возьметъ онъ то самое орудіе, которымъ онъ порѣзался, укуситъ лезвее до трехъ разъ и поплюетъ на свою рану — тотчасъ кровотеченіе остановится. Когда строятъ домовину, то стараются, чтобы по щепкамъ и стружкамъ никто не ходилъ, а то всегда, даже и въ оттепель, ноги будутъ зябнуть. Въ лѣсъ идти слѣдуетъ всегда поѣвши, а коли пойдешь въ лѣсъ голодный, то кукушка вишей напуститъ и вѣкъ отъ этой напасти не отбоишься. Коли вздумаетъ Карелякъ строиться, то также надо знать, какъ это дѣло дѣлать; прежде всего слѣдуетъ подъ первое бревно положить небольшого болванчика изъ глины, съ руками и ногами, чтобы былъ онъ похожъ на человѣка, а затѣмъ подобаеъ примѣчать, какъ первая щепка ляжетъ: если щепка опрокинется на землю корою вверхъ, можно продолжать рубить избу, а коли невзначай да ляжетъ она корою внизъ, такъ лучше и не трудиться ставить домъ на этомъ мѣстѣ, такъ какъ либо сгоритъ онъ до тла, либо счастья живущимъ въ немъ не будетъ никакого. Ужь на что простая штука воротъ отъ рубахи, а коли толково съ нимъ обойтись, такъ мудреную онъ загадку угадать можетъ, такую мудреную, что иная бабенка за это и Богъ вѣсть чего бы не пожалѣла; какъ начнутъ его кроить, такъ слѣдуетъ обрѣзки на дверь положить и примѣчать потомъ, что будетъ: войдетъ въ дверь первымъ мужчина — родится въ домѣ томъ мальчикъ, а коли баба, то принесетъ хозяйка дѣвочку. Не хитра тоже штука иглока, а коли переломитъ ее невзначай дѣвушка, да возьметъ себѣ ушко, а кончикъ броситъ на дорогѣ, пойдетъ по дорогѣ парень, подниметъ кончикъ — и станетъ кончикъ по ушку болѣть, а парень сохнуть по дѣвкѣ.

Карельскій языкъ весьма немногимъ отличается отъ финскаго языка Финляндіи. Онъ облюбилъ въ особенности шипящіе звуки и говоритъ поэтому «микши» вмѣсто «микси» (зачѣмъ); любитъ онъ также всячески смягчать твердыя согласныя и охотно замѣняетъ *k*, *n*, *m* звуками *g*, *b*, *d*, какъ напримѣръ въ такихъ словахъ, какъ «айгахъ» (вмѣсто «айкаанъ»), «піенемби» (вмѣсто «піенемпи») и «тьедэйэтъ» (вмѣсто «тіетэйэтъ»). Въ карельскомъ языкѣ не умѣютъ дѣлать различія между дѣйствительнымъ и страдательнымъ залогомъ въ окончаніи третьяго лица множественнаго числа глаголовъ и говорятъ «мо» «тулиммо», «тіо» «тулитта» и «хіо» «туддихъ». Не любитъ Карелякъ также и звука *y* послѣ гласныхъ и охотно измѣняетъ его въ *v*, какъ напримѣръ говорятъ «хэтэвди» вмѣсто хэтеути», «новшу» вмѣсто «ноусу». Окончаніе на носовую согласную послѣ длинной гласной онъ охотнѣе замѣняетъ придыхательнымъ *x*, укоротивъ предшествующую ему гласную, и говоритъ «шаноттихъ» вмѣсто «саноттинъ». Вообще карельскій языкъ считается обладающимъ древними формами нынѣшняго финскаго языка и изучаемъ финнологами также, какъ для изслѣдованія по языку русскому изучается церковнославянскій. Только

между собою говорятъ еще Карелы на своемъ родномъ языкѣ, но, за исключеніемъ дальнихъ карельскихъ волостей Повѣнецкаго уѣзда, всѣ Карелы превосходно говорятъ по-русски. Добрые люди пожелали, чтобы Кареляки имѣли и книги на ихъ родномъ языкѣ, и прежде всего принялись конечно за евангеліе; но къ сожалѣнію переводчиками явились люди совершенно къ этому дѣлу не подготовленные, и потому мало кто изъ Кареляковъ можетъ понимать переведенное для него священное писаніе. Понятное дѣло, что Карелякъ не могъ имѣть понятія о прелестяхъ новѣйшей цивилизаціи, а потому и не имѣлъ въ языкѣ своемъ подходящихъ словъ, но досужіе переводчики не задумались надъ этимъ и понадѣлали цѣлую массу словъ, въ родѣ: «бродягать», «дорогать», «командать, билетнойнъ, солдатайнъ» и т. п.; когда приходилось переводить въ катехизисѣ отдѣлъ подъ заглавіемъ «общія обязанности христіанина», то ловкій человѣкъ сдѣлалъ изъ этого: «мида пидавъ роата христинъ гейло кайкисъ энзимэхзексэ, т. е. передалъ эти три русскія слова словами: что всякій день случается христіанину нужнымъ сдѣлать. Понятно послѣ этого, что никто этихъ будтобы карельскихъ книгъ не читаетъ, хотя ихъ и разсылаютъ даромъ въ карельскія волости.

Если бѣденъ хлѣбомъ русскій человѣкъ, то про Кареляка и говорить нечего; хлѣбъ доставать ему гораздо труднѣе, такъ какъ для того, чтобы разыскать себѣ мѣстечко для посѣва, Карелякъ зачастую принужденъ бываетъ уѣзжать верстъ за 20 отъ своего селенія, да и тамъ только послѣ почти невозможныхъ усилій успѣетъ собрать самъ-третей свой скудный посѣвъ. Все бы это однако было бы исполна горя, да вздумали и Карелу привести на общее положеніе и дать ей надѣлъ въ 30 десятинъ на душу, не взирая на то, что Карелякъ до сихъ поръ не осѣлъ еще и не можетъ удовольствоваться никакимъ надѣломъ, а будетъ, едва лишь уѣдетъ начальство, снова разѣзжать по всему Заонежью въ искательствѣ покосовъ и годныхъ для посѣва земель и охотиться тамъ, гдѣ ему заблагоразсудится. Плохо приходится теперь Кареляку, такъ плохо, что хоть волкомъ вой! а прежде ему жилось куда лучше, да люди стали хуже, бросили свои стародавніе обычаи и смѣются надъ тѣмъ, во что вѣрили отцы и дѣды. «Прежде», увѣряютъ Кареляки — «вся земля была карельская и были тогда Карелы сильны и богаты: сѣнокосы были по сажени, а палья была тоже по сажени и ловилась не неводомъ, а сачками. Жилъ тогда въ Карельской землѣ старикъ Тулле; жилъ онъ въ большой пещерѣ, и всѣ Тулле уважали, и былъ Тулле царемъ карельскимъ и держалъ въ страхѣ и Руотсалайновъ (Шведовъ) и Кайну (часть финской Финляндіи). Вышелъ разъ Тулле на сельгу прогуляться и увидалъ идущаго ему на встрѣчу волосатаго человѣка, всего покрытаго овечьей шерстью. Испугался того человѣка Тулле, такъ какъ никогда не видалъ въ свою жизнь ничего подобнаго; прибѣжалъ испуганный Тулле къ своимъ и сказалъ имъ великое слово: «много лѣтъ жилъ я на желтомъ свѣтѣ (бѣлый свѣтъ Кареляки называютъ желтымъ) и не видалъ еще овечьей шерсти на человѣкѣ; прячьтесь скорѣе и спасайтесь въ норы и подъ дома свои, заложите двери и окна, завалите двери, входы камнями — этотъ человѣкъ-овчина принесъ вамъ конецъ вашъ!» а самъ спрятался въ свою пещеру, гдѣ жилъ и варилъ пищу, и пещера закрылась за нимъ сама такъ, что не видать было входа и выхода; а овчина прогнала оленя, испугала медвѣдя, угнала бобра изъ его домовъ, застрашала лося, нагнала страхъ на хитрую рысь... ну какъ же тутъ было устоять Карелянину противъ человѣка-овчины! Такъ и до сихъ поръ о Тулле ничего не слышно; говорятъ добрые люди, будто онъ выходитъ иногда изъ щелья (скалы), подаетъ Кареляку руду и спрашиваетъ: «тутъ-ли еще человѣкъ-овца?» Никто не знаетъ, про что онъ спрашиваетъ, и не могутъ дать ему отвѣта, а онъ поглядитъ только на Кареляка и головою закачаетъ, и говоритъ: «тутъ онъ, тутъ! по всему видно!» и снова уходитъ въ свою пещеру. И силенъ этотъ человѣкъ-овчина, котораго такъ испугался старый Тулле! всѣ звѣри земли Карельской ушли отъ него, да и самъ Карелякъ бросилъ свои шкуры и, облекшись тоже въ овчину, того и гляди вовсе утерять свои характеристическіе признаки и станетъ на благо родины трудиться рука объ руку съ страшнымъ прежде волосатымъ человѣкомъ-овчиною, который сталъ теперь его братомъ и сотовари-

щемъ. Не проснется ли тогда и богъ карельскій Тулле? не все же ему спать въ его пещерѣ. Быть можетъ, тогда всколыхнутся озера, болота карельскія, богатая всякою дичью; зашумитъ лѣсъ, готовый на службу своему насельнику, и Карелякъ, вспомнивъ своего стараго Тулле, возьмется за умъ. А пока все снитъ въ Карельской землѣ, какъ и спитъ самъ Тулле, да заснулъ и тотъ человѣкъ-овчина, который надѣлалъ столько хлопотъ и самому Тулле, и всѣмъ его поклонникамъ; кто знаетъ, быть можетъ, придетъ время, когда и человѣкъ-овчина проснется отъ своего богатырскаго сна и приложитъ вмѣстѣ со своимъ братомъ Карелякомъ руки къ тому непочатому углу богатствъ, которыя зарылъ старикъ Тулле въ Карельской землѣ.

В. Н. Майновъ.

Водяная курочка.